

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

**ЛЕВ
КОРНЕШОВ**

УДАР МЕЧОМ

В сводках не сообщалось...

Лев Корнешов

Удар мечом

«ВЕЧЕ»

1970

Корнешов Л. К.

Удар мечом / Л. К. Корнешов — «ВЕЧЕ», 1970 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-7637-2

Повесть известного советского писателя Льва Константиновича Корнешова (1934–2005) посвящена беспощадной борьбе украинских чекистов, комсомольцев с бандами буржуазных националистов в первые послевоенные годы. В центре событий отважная разведчица Горлинка, действующая в подпольном логове врага. Ее работа в банде сопряжена со смертельным риском, но мужество, решительность и выдержка позволяют девушке преодолеть капканы «безпеки».

ISBN 978-5-4484-7637-2

© Корнешов Л. К., 1970

© ВЕЧЕ, 1970

Содержание

Часть первая. Охота на Горлинку	6
Облава	6
Затерялось в лесах село	10
Кто хозяин в Зеленом Гае?	13
Поклон от Стася	17
Клятва Ивана Нечая	21
Каждый должен сделать свой выбор	25
Назовем тебя Зоряной	29
Неженка, мамина доця	32
Зори горят вполнеба	34
Ночью на кладбище	36
Песня Мыколы Максиса	39
Приказано взять живым	41
Визит вежливости	43
Влада – лесная королева	47
Тревожные ночи	51
Дальность полета пули – три километра	55
Курьер бандитского подполья	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Лев Корнишов

Удар мечом

© Корнешов Л. К., наследники, 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

* * *

Часть первая. Охота на Горлинку

Облава

Секретарь райкома комсомола возвратилась с облавы к утру. Задержалась у порога райкомовского домика, щепкой сняла налипшую на сапоги грязь. Вошла в кабинет, поставила у кушетки, чтоб был под рукой, автомат. Письменный стол, старенькое кресло, этажерка с книгами, сейф – вот и вся обстановка.

Девушка присела в кресло, опустила голову на руки, задумалась. Надо бы снять сапоги, сбросить пропитанную лесной росой брезентовую куртку, но тело сковала усталость. Над городком вставал поздний осенний рассвет. Секретарь райкома глянула на часы: стрелки сошлись на цифре восемь. До начала рабочего дня оставался целый час, и можно было позволить себе забыться – просто сидеть и ни о чем не думать, опустив голову на руки.

Хрипловато задребезжал телефон.

– Да, – сказала она в трубку. – Да, это я. Понятно. В восемь двадцать буду у вас.

Девушка подошла к зеркалу, глянула на себя и огорчилась: под глазами легли темные, почти коричневые, круги. Она решила умыться, хоть немного привести себя в порядок. И, занимаясь этими будничными делами, вспоминала события прошедших суток.

Вчера тоже все началось со звонка. Она проводила совещание секретарей комсомольских организаций, когда позвонил начальник райотдела милиции. Он сообщил, что принятое ранее решение по известному ей делу остается в силе.

Секретарь райкома знала, о чем идет речь. Организовывалась облава на банду украинских буржуазных националистов. Несколько часов назад она получила пакет, который имела право вскрыть только после этого звонка. В пакете был план облавы, место и время сбора, порядок и пути движения группы, созданной из комсомольских активистов. И сейчас она сказала начальнику милиции, что комсомольцы, как всегда, не подведут.

Закончив телефонный разговор, она открыла сейф, извлекла серый засургученный пакет. С треском сломались печати.

– Хлопцы, – сказала секретарь райкома, – сегодня ночью облава.

Ребята возбужденно зашептались. Они уже привыкли к внезапным тревогам, и все-таки каждый раз их охватывало тревожное беспокойство ожидания. Ведь им было по семнадцать-восемнадцать, и разве не с ними на прошлом совещании сидел Юрко Перепелица, а потом принесли Юрка из леса на плащ-палатке...

Секретарь, когда увидела пробитый бандитской пулей комсомольский билет Юрка, не выдержала, разрыдалась – и никак не могла налить воду из графина: струйка не попадала в стакан. Кто-то из активистов хотел помочь, она не разрешила, упрямо проговорила: «Я сама». Комсомольцы, видевшие ее всегда деловитой и собранной, отворачивались, на цыпочках выходили из кабинета.

По инструкции полагалось сжечь комсомольский билет Юрка. Но секретарь все не решалась это сделать, ей казалось, что вдруг случится чудо, и Юрко и другие хлопцы, погибшие от бандитских пуль, однажды войдут к ней в кабинет, весело скажут: «Не рано ли списала нас?» А она им ответит: «Вот ваши билеты, парни...»

Ночью милиция, районные активисты, колхозники из окрестных сел обложили лес. Надеялись захватить врага врасплох. Не удалось. Кто-то все-таки предупредил бандитов. Хотя и слабые, невидимые, а тянулись ниточки из районного центра в лес.

Бандеровцы организовали засаду. И неожиданно ударили из автоматов по участникам облавы, когда те еще не развернулись в боевую цепь и шли плотной колонной. Бой только

начинался, а уже несколько человек были убиты. Но автоматные очереди не вызвали паники: на облаву шли обстрелянные, хорошо знающие и лес и лесные порядки люди. Многие из них еще не успели после войны сменить гимнастерки на штатские пиджаки – партия послала их работать в западные области Украины, и, закончив войну с фашистами, они сразу же ушли в бой с фашистскими последышами.

Участники облавы растянулись в кольцо, охватывая чашу, в которой засели бандиты. Связной передал секретарю райкома приказ командира: зайти с ребятами в тыл банде, отрезать пути отхода.

– Хлопцы, кто знает эти места? – спросила она у своих.

– Я знаю, – отозвался Павло Маркуша, секретарь сосновских комсомольцев; он был в войну партизанским разведчиком.

Павло повел группу глубоким оврагом – нависли над головой кусты черемухи, дикой сирени, влажно пружинила под ногами земля. В стороне шлепали винтовочные выстрелы, выбивали дробь автоматы, расплосовал темноту взрыв гранаты. Бандеровцы плотным огнем прижали участников облавы к земле.

– Хлопцы, швыдче! – поторапливала на ходу секретарь. – Слышите? Жарко там нашим...

Но все и так знали, что в лесу внезапный огонь нескольких автоматов может решить исход боя. Шли размашистым шагом, ступая след в след, хотя и не было сейчас необходимости в такой осторожности – просто так учили в истребительном отряде. Преградило дорогу сваленное поперек тропинки дерево – обошли его по склону, попался ручей – вброд через ручей.

Ползком выбрались на гребень лесного буерака. Неожиданным ударом прижали бандитов к вырубке, и они темными тенями заматались между деревьями. Гремели выстрелы, и тени спотыкались, падали. Бой шел яростный, жестокий, когда никто не думает о пощаде, бьются насмерть и действует только один закон: «кто – кого».

В прорезь прицела секретарь поймала рослого бандеровца, вскинувшего гранату. Автомат заплесал в руках, вспышки на мгновение ослепили. «Есть один», – мелькнула в бешеном напряжении мысль, когда бандит ткнулся головой в пригорок. Дружно стучали рядом автоматы ребят. Кто-то из бандитов истошно вопил: «Сдаюсь!»

Секретарь заметила, как по канаве, темной лентой врезающейся в овраг, ползет бандит в рваном полушубке. Видимо, отделился от своих – то ли получил какое-то задание, то ли струсил и теперь спасал шкуру. Бандит приподнялся на локтях, ощупывая взглядом те полсотни метров, что отделяли его от спасительного оврага, вскочил и побежал. «Стой!» – резко крикнула секретарь и подняла автомат. Бандит обернулся, и девушка узнала его – попович из Явора, исчезнувший несколько месяцев назад; родственники сказали, будто уехал учиться. И оттого, что узнала, промедлила мгновение – не так-то просто стрелять в знакомого человека. Попович нажал на гашетку первым, и автоматная очередь срезала ветку над ее головой. Секретарь прижалась к земле, а когда выстрелила – было поздно. Попович с разбегу сиганул в овраг, покатился по склону, слышно было, как далеко внизу затрепал кустарник.

Бой, как майская гроза, затихал последними раскатами. Еще щелкали одиночные выстрелы, а люди уже подтягивались к командирам, перекликались, выясняли, кто жив. На стареньком полушубке принесли Павла Маркушу. Голубые глаза стеклянно смотрели в небо, рука сжимала ворот сорочки.

Прямо с облавы, еще не сбросив напряжения боя, секретарь пришла в райком. Предстоял серьезный разговор, и надо было хоть немного отдохнуть, прийти в себя. Девушка снимала комнату на окраине местечка, добираться туда было далеко, особенно в темноте да по грязи, и она часто оставалась ночевать в райкоме – за легкой ширмой стояла кушетка. Это было удобно и на случай внезапных ночных тревог, срочных вызовов.

Пока она приводила себя в порядок, рассвет выбелил кабинет, разогнал полутени из углов: на часах восемь пятнадцать.

Здание райотдела МГБ находилось совсем рядом, в пяти шагах. И в восемь двадцать, как было условлено, девушка постучалась в кабинет начальника райотдела.

Майор поднялся ей навстречу.

– Намаялась?

– Есть немного, – честно призналась девушка и удивилась: вместе были на облаве, пробирались по одним лесным тропам, размочаленным осенней непогодой, а майор в чистой форме, выбрит, подтянут – вот это закалочка!

– Садись, секретарь, говорить будем, – майор указал на стул против себя. – Не передумала? Еще не поздно...

Девушка вспомнила: так и не положила комсомольский билет Юрка в сейф, не хотелось верить, что парня нет больше среди живых.

– Не передумала, – ответила она и выдержала прямой, изучающий взгляд майора.

Погибшие не уходят из нашей жизни. Разве не они помогают нам выбирать дорогу? И, угадывая эти мысли, майор сказал:

– Твоя дорога и до этого была нелегкой. Но теперь придется труднее. Понадобятся умная храбрость, расчетливое мужество, полнейший контроль над каждым словом и шагом. То, что мы тебе предлагаем, не каждому под силу. Но мы долго присматривались к тебе – справишься.

– Я не раз думала над вашими словами, товарищ майор. Скажите, в чем заключается задание, и я постараюсь его выполнить.

Майор добродушно засмеялся.

– Очень ты быстрая. Мы направим тебя на учебу – пройдешь специальную подготовку. Советую отнестись к ней со всей серьезностью. «Экзамены» ведь у тебя будут принимать враги. И если окажешься плохой ученицей – переэкзаменовки не будет.

Секретарь райкома кивнула: понимаю. Спросила:

– Значит, за парту?

– Иначе нельзя. Противник у тебя будет умный, хитрый, поднаторевший в подпольной борьбе. И тебе придется основательно его изучить, прежде чем встретиться лицом к лицу.

Это категоричное «тебе придется» как бы устанавливало, крепило новую основу их разговора: слова майора воспринимались уже не как пожелание – это был приказ.

– Ты по-прежнему снимаешь комнату вместе с Марией Григорьевной Шевчук, учительницей из нашей школы?

– Да, – подтвердила девушка, не понимая, куда клонит майор.

– Хорошо ее знаешь?

– Как себя.

– Откуда родом, кто родители, где училась, с кем дружила? – продолжал расспрашивать начальник райотдела.

– Мария часто рассказывала о себе.

...Несколько месяцев назад в райком комсомола зашла быстроглазая девушка. Синий плащик ее был в грязи, модные туфельки раскисли. «Не наша, – определила секретарь, – только с рейсового автобуса». Девушка сказала, что она учительница, недавно закончила педагогический и теперь получила назначение в местную школу.

– Где остановилась?

– А нигде пока. Чемодан в коридоре. Я к вам сразу и пришла, потому что вы – райком, а я – комсомолка.

Молоденькая учительница промерзла – было холодно, сыро, шел дождь. Секретарь райкома вздохнула: присылают вот таких, неприспособленных. В туфельках да по местной грязи. Она отослала ее на свою квартиру обсушиться и обогреться. Так у нее появилась хорошая подруга. Долгими вечерами девушки о многом переговаривали, вспоминали прошлое, пытались заглянуть в будущее...

– Как себя знаю Марию, – повторила секретарь райкома.

– От и добре, – кивнул майор. – Днями она получит назначение в школу Харьковской области. Ты не должна с нею переписываться и вообще поддерживать какие-либо отношения. Так лучше. Ясно?

– Так точно!

– Ого! – засмеялся майор. – Вот это мне нравится. Только по глазам вижу – ничего тебе пока не ясно. Хочется знать, с чего это вдруг Мария уедет? Очень у нее подходящая биография, простая, скромная биография интеллигентной украинской дивчины. А тебя, вероятно, в каждом селе знают. Наверное, по всему району знакомые?

– Конечно. Я ведь секретарь райкома комсомола: встречи, собрания, командировки, да и просто так – разговоры с девушками, с парнями...

– Вот-вот, – майор словно и не ждал другого ответа. – Все это мы учили. Именно поэтому после учебы ты тоже сюда не вернешься.

Шла осень 1945-го. Тяжелая первая послевоенная осень. Раны страны еще не зарубцевались: на обширных пространствах до Волги печально чернели скелеты городов, лежал в развалинах киевский Крещатик, мертво зияли глазницами вышибленных окон многометровые корпуса заводов.

Приходили на пепелища плотники, становились к станкам вчерашние солдаты, дети и старухи по камешку разбирали руины домов – страна начинала отстраиваться, привыкать к мирной тишине.

Вступали в новую жизнь и области Западной Украины. Но не все еще бои закончились на украинской земле за Збручем. Гремели предательские выстрелы – в спину, из-за угла, из ночи. Пылали убогие селянские хаты под соломой – коммунисты не жили в добротных хуторских домах. Горели клубы и школы, только что построенные для селянских детей.

Украинские буржуазные националисты объявили бандитскую, террористическую войну народу, в любви к которому распинаясь на тайных и гласных сбирках, в грязных газетенках.

Дорогу убийцам преградили чекисты, истребительные отряды, сформированные из коммунистов и комсомольцев. С бандитами воевал весь народ...

Затерялось в лесах село

Небольшое село Зеленый Гай оказалось в центре тревожных событий. Здесь, в обширных лесах, затаилось несколько банд.

Зеленый Гай прижался к лесу. Пять десятков хат. Длинная улица без названия – одна на все село, и давать ей имя не было смысла. Почерневшие под дождями и ветрами соломенные крыши. Село было не из богатых, редко-редко попадался каменный дом под красной черепицей. В центре села – школа: приземистый белый прямоугольник парадным входом обращен к небольшой площади, открытой всем ветрам. С другой стороны школы – вишневый сад. Старые деревья разбросали ветви над землей, на стволах у них причудливые наросты, липкая янтарная смола. Сад подступает к лесу, отгорожен от него только невысоким, плетеным из лозы тыном.

А на десятки километров вокруг – леса, леса, леса... В них изредка островками вкраплены хутора. И медленно, трудно приходит на хутора новая жизнь.

На Зеленый Гай опустился вечер. Весенний вечер – теплый, тихий, с запахом цветущих деревьев, росных трав. Кружит в воздухе вишневая метель – белым снегом ложится цвет вишен на землю.

Рано ложатся спать в Зеленом Гае. Заходит солнце, и закрываются наглухо резные ставки на окнах мазанок, спускаются с цепи дворняги. За ставнями, за высокими, в человеческий рост, заборами своя жизнь, чужая, а иногда и враждебная постороннему. «Моя хата – мое и горе» – это неписаное правило соблюдают в Зеленом Гае крепко.

Только в одном доме светятся яркими пятнами окна в квартире заведующей школой. Совсем недавно молодая учительница приехала в Зеленый Гай, не привыкла еще к сельскому распорядку – вставать и ложиться с солнцем. Несколько дней назад зеленогайчане не без любопытства наблюдали, как подкатила к школе машина, вышла из нее девушка, шофер вынес два чемоданчика и несколько связок книг. «Вчителька», – догадались. Кто-то сумрачно проронил: «Сбежит и эта». Учителя в Зеленом Гае не задерживались – глухомань...

И еще в одной хате, что рядом со школой, пробивается сквозь неплотно подогнанную ставню яркая полоска. Живет там комсомольский секретарь Данила Бондарчук, и сегодня собрались у него комсомольцы на свое собрание. По одному, по двое пробирались они в сумерках через садок к хате Данилы. Ни к чему сельчанам видеть их вместе – один промолчит, а другой...

Но, видно, кто-то все-таки заранее узнал про комсомольское собрание, передал весточку в лес. И когда собрались комсомольцы, из темноты, из лесной чащобы тенью вышел к Даниловой хате бандеровец. Звякнул металлом, сторожко оглянулся по сторонам – слышал ли кто? Но над селом глухая тишина, даже псы и те перестали лаять.

Бандит припал к окну, вгляделся, стараясь рассмотреть, кто там, в хате. Занавешено изнутри: свет пробивается, а увидеть ничего не возможно. Он чуть слышно помянул черта, отошел к деревьям, прильнул к стволу – ждал. Бандит прикинул расстояние до порога хаты – совсем рядом, всего метров двадцать. Он снял автомат, потянул затвор. Медленно текли минуты. Бандит полез было в карман за сигаркой, пошуршал пачкой, но закурить не решился. Все-таки сунул сигарету в зубы и по привычке, воспитанной годами засад и внезапных нападений, не прикуривая, несколько раз крепко затянулся – горьковатый запах успокаивал. И опять затих, весь обратившись в слух.

Звякнул засов двери, вышли из хаты хлопцы и девчата. Постояли у крылечка, попрощались друг с другом, начали расходиться – кто напрямик по улице, кто стежкой через сад. Хозяин остался у крыльца, дожидаясь, пока заслонит темнота его товарищей, затихнут вдали их шаги.

И вдруг громыхнул выстрел. Сгинула вечерняя тишь. Хлопец пошатнулся, упал.

Бандит бросился к лесу, с треском пробиваясь сквозь молодой вишняк. Вскрикнула девушка, звонко и горестно: «Данько! Данила, отзовись!». «Надидька, к Даниле! Хлопцы, перекрывай выходы из села!» – решительно командовал какой-то парень. Вслед бандиту полоснул выстрел, за ним второй. Он обернулся на бегу, веером пустил длинную очередь по саду, вновь побежал размашистыми скачками. А наперерез ему уже мчались те, кто двумя минутами раньше попрощался с Данилой. Дорогу бандиту преградил тын, он перепрыгнул через него и очутился на широкой сельской улице. Но и здесь навстречу бежали люди.

Они отрезали дорогу к лесу, знали: там он растает, затеряется в балках, ярах, просеках, тайными тропинками доберется до своей берлоги.

Тишины как не бывало. Засветились в хатах окна, захлопали двери, заметались тени. Путь в лес был закрыт. И тогда бандит побежал не из села, а в глубь него. Несся улицей, петляя, шарахаясь от выстрелов, прижимаясь к плетням, укрываясь за стволами деревьев. Опять перепрыгнул через плетень, приник к земле, замер в густом кустарнике. Преследователи пронесли мимо. Но он знал: его хитрость разгадают скоро. И когда обшарят каждую пядь, он попадется в эту сеть и не будет ему пощады.

Бандеровец приподнялся, затравленно осмотрелся. Совсем рядом светились окна школы. А если пересидеть там? Мягкими, неслышными шагами он пробрался вдоль стены, нащупал дверную ручку, потянул к себе – заперто.

А в спину ударил крик:

– Не иначе как в саду схоронился! Заходи справа! Эй, кто там, держите под прицелом стежку к лесу!

Бандеровец уже понял, что командовал преследователями опытный человек, уйти из рук такого не так-то просто. Пройдет еще несколько минут, и сомкнутся фланги погони, он окажется в мешке.

Беглец метнулся к окну и, стараясь не попасть в светлое пятно, стукнул в окно.

– Кто там?

– Одчиніть, будь ласка! З сільради...

Зазвенел отброшенный крюк, лесовик надавил плечом на дверь, влетел в сенцы, захлопнул дверь за собой.

– Молчи! Убью!.. – отрывисто сказал в темноту.

И столько отчаянной злобы прозвучало в этих словах, что можно было не сомневаться – убьет.

Ему никто не ответил. Не закричали, как он предполагал, не позвали на помощь. А погоня приближалась. Вот уже голоса, звон оружия, топот слышались у школьного крыльца.

– Попробуй только пикни! – снова пригрозил бандеровец.

Опять постучали – на этот раз в дверь. Властно и настойчиво. Лесовик поднял автомат, приготовился встретить каждого, кто переступит порог, очередь в упор. В темноте чья-то рука нашла его руку. Тихонько подтолкнула в дальний угол. Он сразу сообразил, что там его не будет видно, если даже дверь и откроют. Подчинился молча – в душе затеплилась надежда, что удастся выпутаться, обмануть погоню.

– Кто? – голос девичий, испуганный и робкий.

– У вас никого нет? Никто не пробегал мимо?

– Не видела... Страшно очень, стреляют... Открыть вам? Скажите хоть, ради бога, что стряслось?

– Не открывайте никому, – посоветовали заботливо с подворья. – Данилу, кажется, бандеровцы убили.

– Данилу?

Стихли шаги, ушли люди, а они все молчали, боялись пошевелиться. Бандит повел рукой в темноте. Ладонь уткнулась в упругое девичье плечо. Девушка отодвинулась, прижалась к стене.

– Дякую красно, – хрипло сказал неожиданный гость. Он спрятал автомат под полукожушка. Крепче надвинул шапку. – Вроде бы угомонились. Все. Еще увидимся – я твой должник.

– Куда собрался? – опять почему-то испугалась девушка.

– В лес, к своим.

– Все стежки перекрыли. Поймают тебя, догадаются, где прятался...

Девушка всхлипнула, жалобно зашептала:

– Что я наделала, что наделала? И зачем только приехала в эту глушь?

– А-а-а... так ты новая учительница, – сообразил бандеровец. И строго прикрикнул: – Перестань ныть!

Он остановился у двери, приник к ней, прислушался, яростным шепотом выругался.

– Твоя правда. Из села сейчас не выйти.

Слышно было, как внезапно поднявшийся ветер качает верхушки могучих грабов на школьном дворе да тягуче скрипит расколотый молнией ясень.

– Смотри ты, держится до сих пор... – удивился бандеровец.

– Кто?

– Ясень... Его лет пять назад громовица сожгла, а он, видишь, отошел. Могучий, видать, корень, потому и ожил...

– Откуда знаешь?

– Знаю.

Девушка тоже слушала ветер, ночные шорохи, потом спросила:

– Что ж, так и будешь стоять в сених?

Лесной гость промолчал. Он не знал, на что решиться.

Учительница тихо открыла дверь в комнату, вышла на свет. Проверила, плотно ли задернуто окно, и позвала:

– Проходи сюда!..

Кто хозяин в Зеленом Гае?

Через несколько дней снова собрались комсомольцы. На этот раз в хате у Надийки Михайлюк. Пришли десять человек. Ждали еще Олесья Гнатыюка, запаздывал хлопец, а почему – никто не знал. Двенадцатым на учете стоял Данила Бондарчук. Его отправили в госпиталь в областной город.

В углу сидел инструктор райкома комсомола Иван Нечай. Инструктор хмурился, нетерпеливо постукивал пальцами по столу.

Надийка скрутила жгутом газету, принялась старательно протирать стекло лампы.

– Закрой сначала ставни, – недовольно проворчал Степан Костюк.

– Боишься? – бросил насмешливо Нечай.

Костюк вспыхнул.

– Голову не хочу задарма потерять.

– Ладно вам, хлопцы, – примирительно вмешалась Надийка. Она вышла из хаты, звякнула прогонищами, вгоняя их в гнезда. Ставни захлопнулись.

Вместе с Надийкой в хату вошли Лесь и новенькая дивчина, заведующая школой. Она смущенно осматривалась, щурилась от света.

– Вот еще одного товарища привел, – сказал Лесь, – Мария Шевчук, вчителька.

– Знаем, – отозвались хлопцы и девчата: в селе всегда и все знают, кто приехал и кто уехал.

– Добрый вечер вам, – поздоровалась учительница сразу со всеми. Она сняла цветастую косынку, легонько тронула ладонями волосы. Зарделась под любопытными взглядами парней, чуть повела плечом: ну и смотрите, раз посмотрится – вот я, вся перед вами... Какая есть, прошу любить и жаловать.

Красивая дивчина, статная. Прическа у нее новомодная, короткая, как на фотографиях у актрис. Брови стрелками летят от переносицы. А глаза темные, как угольки-жаринки. Такая не одного хлопца присушит.

– Комсомолка? – строго спросил Нечай.

– Да, – ответила Мария. – Вот только на учет не успела встать, школу принимала, не до этого было.

– Идите сюда, садитесь, – гостеприимно пригласила Надийка, освобождая место на скамейке рядом с собой.

Нечай открыл собрание. Как представитель райкома, он на время заменил секретаря. Иван машинально, двумя пальцами под ремень, расправил гимнастерку, вышел на середину горницы.

– На учете в организации состоит двенадцать комсомольцев. Данила Бондарчук тяжело ранен бандеровцами и находится в госпитале. Остальные присутствуют. Какие будут предложения?

– Давай начинай, – солидно пробасил Костюк.

– Кому поручим вести собрание?

– Ты и веди – чего уж там.

– Добре, – кивнул головой Нечай. – Только вначале я хотел предложить вот что. Среди нас находится новый товарищ, Мария Григорьевна Шевчук. Пусть расскажет свою биографию – в коллектив ведь принимаем, а время тревожное, в тех, кто рядом, должны быть уверены.

– Какая там у меня биография. – Мария усмехнулась доброжелательно и чуть снисходительно. – Ну, родилась... училась... выросла... теперь вот сама учу детей...

– Нет, так не пойдет, – строго прервал ее Нечай. – Мы имеем право знать о вас больше. И это не праздное любопытство, учтите.

– Я понимаю, – Мария Григорьевна чуть развела руки в стороны, будто сказала: вы, конечно, право такое имеете, но что же поделаешь, если рассказывать-то нечего.

– Родители мои живут в Полтавской области. Отец работает в колхозе конюхом. В том селе и я жила все время. В комсомол в школе вступала. Во время войны отец партизанил, в армию его не взяли из-за болезни. После школы поступила в педагогический институт, училась неплохо, выполняла разные комсомольские поручения: была пионервожатой, комсоргом группы. Как учебу закончила, получила назначение во Львовскую область, учительствовала там недолго, вскоре меня перевели в ваше село. Взысканий не имела. Вот, кажется, и все...

– Замужем? – шутливо поинтересовался Костюк.

– Нет, – смущенно засмеялась Мария. – Не успела...

Иван неодобрительно посмотрел на Костюка: дело серьезное, а он шутки шутить вздумал.

– Еще вопросы будут? Или приступим к прениям?

Была у Ивана странность: приклеилась к нему канцелярско-заседательская терминология. Доля инструктора райкома комсомола известная – командировки, собрания да заседания.

– А що воно таке – прения? – удивленно спросил Костюк.

– Обсуждать ту чи иную проблему.

– Ишь ты, проблему... А я думал, Марию Григорьевну.

– Да бросьте вы дивчину мучить, – вмешалась Надийка. – Понятно ведь, кого зря заводить школой не пришлют.

Нечай сказал, что, поскольку все ясно, Мария Григорьевна Шевчук принимается на учет в организацию, а он, когда будет в районе, все официально оформит.

– Спасибо вам, – как-то очень по-простому поблагодарила Мария. И неизвестно, кому адресовалось это «спасибо»: то ли Нечаю, избавлявшему ее от хлопот – в район путь неблизкий, то ли хлопцам, доброжелательно принявшим ее в свою комсомольскую организацию.

– Ну а теперь, товарищи комсомольцы, давайте советоваться, – вновь поднялся Нечай. – Сдается мне, что неправильную позицию заняли мы в вопросах борьбы с националистическими бандитами. Прячемся больше, выжидаем, пока другие с бандюгами воюют, а они нас по одному выбивают. Не годится так! Конечно, каждый помогает как может, в этом отношении я ничего плохого сказать не хочу. Но получилось так, что мы как бы в подполье ушли, вот даже собрание свое втайне от всех проводим. А ведь при своей власти, народной, живем, на своей земле. Кто в конце концов хозяин в Зеленом Гае? В селе не чувствуется комсомольского влияния, и молодежь к нам мало тянется, потому что не знает, чем мы занимаемся. Двенадцать комсомольцев большая сила, если они вместе действуют. Верно я говорю?

– Так-то оно так... – протянул Лесь Гнатюк. – Нам и самим надоело прятаться. А вот что ты предлагаешь?

– Сейчас вопрос стоит так, – Нечай решительно рубанул рукой, – или они нас, или мы их. Только должен сказать, в любом случае бандам конец, и придет он скорее, если каждый выйдет с ними на бой. Хватит, долго терпели! Поэтому райком комсомола предлагает вам организовать комсомольско-молодежный истребительный отряд. Ведь есть еще в селе кроме комсомольцев парни, что не побоятся взяться за винтовки?

Хлопцы задумались, задымили сигарками, и клубы сизого дыма волнами поплыли вокруг лампы. То, что предлагал Нечай от имени райкома комсомола, было заманчиво и ответственно. Истребительные отряды создавались из коммунистов и комсомольцев на освобожденных от оккупантов землях. Они охраняли порядок, вылавливали укрывшихся в тайниках полицаев, других предателей, оказывали помощь в борьбе с бандами, расплотившимися во время оккупации.

– Слышал я про такие отряды, – будто размышляя вслух, проговорил Лесь. – Рассказывали люди, в некоторых селах они здорово бандитов пощипали. Пора, наверное, и нам. Сколько там тех бандитов? Жменька, горсточка. Вся их сила на том и держится, что страх стараются

на селянина нагнать, назад, в ярмо загнать: пошел на место, быдло! А селянин, который и от пилсудчиков горя хлебнул и от фашистов с полицаями, по их мнению, должен всего бояться. Только не те теперь люди, что раньше. Советская власть помогла им на ноги встать...

– Вот-вот, – подхватил Нечай. – Так кому, как не нам, банды выводить под корень?

– Ты нас не уговаривай, – прервал Нечая Костюк. – Мы и до этого вроде не очень отсиживались. Хотя одна облава обходилась без комсомольцев? Но отряд нам нужен, чтобы бандиты нас боялись, а не мы их. Правильно ставишь вопрос: в Зеленом Гае мы хозяева. И хлопцы есть надежные: Степан Пилипчук демобилизовался из армии, тракторист Шмыгельский в отряд вступит, не откажется и Роман Дацюк, тот, что на ферме животноводческой работает. Оружие надо... А то пока на всех нас три винтовки выдали.

– Оружие будет. Я советовался, с кем положено, обещали на первых порах выделить и инструктора.

– Вот это мне нравится! – возбужденно вскочил Лесь. – Погоняем бандитов!

– Тю ты, оглашенный, напугал, – засмеялась Надийка. – Нас-то в отряд примете?

– Обязательно, сердце мое, – сверкнул белозубой улыбкой Лесь. – Я без тебя никуда... – пошутил парень.

Комсомольцы заулыбались: ни для кого не являлась секретом явная симпатия Лесья к русокозой Надийке.

– Значит, я буду докладывать от вашего имени в райкоме о создании истребительного отряда, – подвел итоги Нечай.

Иван напомнил, что теперь всерьез надо браться за воспитательную работу с молодежью. Посоветовал каждому подумать, что он может лично сделать.

– Кажется мне, что нужно нам к хлопцам и девчатам идти, а не заседать, как в подполье. Всю работу в клуб перенесем – там и собрания проводить будем, вечера, лекции. Приглашать следует как можно больше людей, пусть все видят, что комсомольцы хорошее дело делают, не запугал их выстрел в Данилу. Пустует клуб? Знаю, на днях третий заведующий сбежал, значит, нечего на приезжих надеяться, своего назначим...

Нечай говорил горячо, чувствовалось, что не раз и не два продумал все, и комсомольцы соглашались с ним: конечно, не дело оглядываться по сторонам, знали же, на что идут, когда в комсомол вступали. Недаром бандиты расклеивали листовки, запугивали молодежь: «Кто заяву в комсомол напишет, тот сам себе смерть пропишет». Читали это, не испугались, так нечего на половине дороги останавливаться.

– Делать надо только все по-умному, – перебил Нечая осторожный Костюк. – На бандитский нож никому напарываться неохота.

Нечай согласно кивнул и продолжал:

– Предлагаю на будущей неделе, не откладывая, провести в клубе первое собрание молодежи, чтоб потянулась она на огонек, на живое слово. Лесь играет на баяне? Пусть приходит с баяном в клуб, а не одну Надийку привораживает. Лекцию можно прочесть. Самая грамотная – Мария Григорьевна, ей и слово.

– Ой, хлопцы, какой же из меня лектор! – растерялась Мария. – Народу будет много, собьюсь, запутаюсь, только испорчу все...

Все собрание она просидела рядом с Надийкой. Молча улыбалась порывистости Лесья, серьезно слушала Нечая. И трудно было понять, что думает новенькая о тревожных делах зеленогайских комсомольцев, как относится к важным решениям, которые они приняли. Впрочем, на нее особенного внимания не обращали, понимали: нужно дивчине осмотреться, познакомиться со всеми как следует, а уж тогда и спрос другой.

– Тема есть, – настаивал Нечай. – Расскажите всем про комсомол. Как возник, к чему стремится, как строит свою работу. Это всем интересно. Конечно, если не хотите – дело ваше. Только советую подумать...

В тоне, каким были сказаны эти слова, явственно ощущался холодок.

– Хорошо, – как-то очень поспешно согласилась Мария. И зачастила скороговоркой, будто оправдываясь: – Вы не подумайте чего-нибудь такого... Просто боюсь провалиться с лекцией... А так я не против...

Дальше Нечай сказал, что, поскольку секретарь комсомольской организации выбыл из строя на неопределенное время, райком решил провести перевыборы. Все согласились: организация не может быть без головы, это ясно. Вот только есть ли замена Даниле Бондарчуку? Нет ему замены. Такого хлопца потеряли! Лежит теперь в областном городе, в госпитале – хоть и вынули врачи бандитские пули, а неизвестно, когда на ноги встанет. Данила партизанил, войну прошел, ни один осколок не царапнул. А тут у родной хаты...

– Эх, – горестно вздохнул Лесь, – без Данилы тяжело будет!.. Бандюги проклятые! Когда все это кончится? – резко повернулся он к Ивану. – Ты в районе сидишь, все знаешь...

– Когда всех бандитов переловим.

– Переловим... – процедил сквозь зубы Степан. – Пока Стафийчуку вольготно живется. Он за нами гоняется. А мы по ночам собираемся, от своих и чужих прячемся...

– Но-но! – посуровел Нечай. – Без паники! Должен понимать: идет классовая борьба, а в любом бою хуже нет, когда паникуют...

Степан только рукой махнул да вздохнул тяжело. И снова тишина. Думают комсомольцы: кого секретарем? Ошибиться нельзя, нет в селе пока партийной организации, и секретарь комсомола после председателя сельского Совета второй в нем человек. О решении собрания завтра же узнают в лесу, есть у бандитов в селе кое-кто. И новости в лес порой доходят даже быстрее, чем в райцентр. А как узнают в банде – беречься надо комсомольскому секретарю, ой как беречься.

Но не это пугает. Другое тревожит: кто может заменить Данилу? Перед ним и старшие шапки снимали. Лучше Данилы никто крыши на домах не ставил. И песни лучше его никто не пел.

– Надийку в секретари, – предложил вполголоса Лесь.

– Что вы, хлопцы! – засмушалась девушка.

– Надийку в секретари. Правильно! – поддержал Лесь Степан.

Девушка совсем растерялась. Опустила голову, торопливо расплетала и заплетала косу. А когда голосовали, Надия вдруг почувствовала чей-то пристальный взгляд. Чуть повернула голову – новенькая смотрит, заведующая школой. А поняла, что Надийка заметила ее взгляд, сразу отвела глаза. Странная какая-то, чего испугалась?

– Единогласно, – окинул всех взглядом Нечай. И очень официально сказал: – Поздравляю вас, товарищ Михайлюк!

«Здравствуй, дорогой Данила! Сообщаем, что вместо тебя избрали секретарем Надийку Михайлюкову. Опыта, конечно, у нее нет, как у тебя, зато характер подходящий, даром что тихая. Надеемся, справится. Дела же нам предстоят серьезные. Надо отомстить за тебя – банду будем выжигать из леса. Решили мы сформировать комсомольский истребительный отряд. Бюро райкома комсомола, учитывая наше положение, командировало к нам Нечая надолго. Он и в Зеленый Гай переселился. Новая учительница школы Мария Григорьевна Шевчук – комсомолка. Так что как было нас двенадцать, так и осталось... Выздоровливай, брате, поправляйся, очень тебя в сем нам не хватает.

С комсомольским приветом ребята.

Товарищ Бондарчук! Вопрос стоит остро – укрепить организацию, подготовить ее к решительному бою. Не сомневайся, жизнь проголосует за нашу резолюцию.

Нечай».

Поклон от Стася

Тонко звякнуло стекло. Мария открыла глаза, прислушалась. Стук повторился. Девушка вскочила с кровати, вдоль стены подошла к окну.

– Принес поклон от Стафийчука... – глухо донеслось до Марии.

Отодвинула засов, посторонилась. Ночной гость грузно – половицы жалобно скрипнули – прошел к окну, задернул занавеску.

Зажигая лампу, Мария приказала:

– Отвернись, оденусь.

Посланец Стафийчука восхищенно присвистнул:

– Ну и девка! Неслучайно, видно, проводник¹ у тебя ночью прятался...

Мария промолчала. Она бесшумно передвигалась по комнате, наводила на скорую руку порядок – гостя сегодня не ждала.

Узкие темные брюки плотно обтягивали стройные ноги девушки. Поверх белой блузки накинута кожаная безрукавка – кептарь, отороченная мехом и расшитая красной шелковой ниткой. Красного же цвета и мягкие полусапожки. Таких красивых девчат хлопец видел только на сцене Львовского театра, когда однажды ходил в город на связь. В селе девушки брюк не носили. Пусть бы попробовала какая пройти улицей в брючках, из каждого двора на нее бы пальцем показывали, а иные так и плюнули бы вслед – тьфу, нечистая сила!

– Ну говори...

Мария сказала это равнодушно, будто каждую ночь ходили к ней гости из леса. Пришелец удивленно на нее посмотрел. Был это ладный, широкоплечий парень в старом ватнике, обтянувшем плечи, в огромных кирзовых сапогах, от которых на полу сразу остались грязные следы. В руках он держал немецкий «шмайсер» и небольшой пакет.

– А еще он тебе вот что передал, – хлопец протянул пакет.

Мария разрезала шпагат: националистические журналы, листовки, воззвания к населению. Листовки и журналы были отпечатаны, видать, в зарубежной типографии на хорошей бумаге, воззвания размножены на ротаторе.

Девушка сгрэбла в кучу всю эту продукцию и сунула в печку.

– Молодец, – одобрил посыльный, – добра схованка, не найдут.

– Нечего будет искать... – Мария подожгла листовки.

– Сдурела? – вскочил бандеровец и схватился за автомат. – Да ты знаешь, сколько людей жизнью рискуют, доставляя нам это? З-за кордона путь дальний, да через облавы...

– Не знаю и знать не хочу! – повысила голос Мария. – А если у меня найдут ваши паперы? Об этом Стафийчук подумал?

Огонь торопливо свертывал в черные ломкие трубочки страницы, тихо потрескивал пеплом. Мария кочергой перемешала золу.

– Клята дивка, – никак не мог успокоиться бандеровец. – Взяла – и в огонь... Что я Стафийчуку скажу?

– Ну, ты, выбирай выражения! – Мария не скрывала, как ей не нравятся и этот ночной визит, и посылка из леса. – А Стафийчуку расскажи, что видел.

Бандеровец отложил автомат. На его лице было недоумение, он явно не знал, что же делать дальше.

– Как звать-то? – спросила Мария.

Вспышка раздражения прошла, хотя голос ее был недовольный.

– Остапом, – нехотя ответил парень.

¹ Проводник – главарь провода – бандеровского органа, руководившего деятельностью банд УПА – ОУН.

– Устал, наверно? – подобрела Мария. И сама себе ответила: – И чего спрашиваю? Не близко...

– Два десятка километров протопал, – согласился Остап. – Да и если бы по дороге, то еще полбеда, а то стежками...

– Сними ватник, повечеряешь. На рассвете уйдешь.

– Я б и дольше остался, – неуклюже пошутил Остап.

Взгляд его воровато нырнул в глубокий вырез блузки, крутыми бугорками вздыбившейся на груди. Ему нестерпимо захотелось притронуться к ним, вдохнуть забытые запахи домашнего уюта, тепла, женского тела.

Мария перехватила его взгляд, резко сказала:

– Не про тебя, хлопче... – Но слова эти не прозвучали оскорбительно, скорее как дружеское предупреждение.

Остап вздохнул, совсем по-домашнему поставил в угол автомат, так ставит косу крестьянин, пришедший домой с сенокоса, снял шапку, и на глаза надвинулась густая копна нечесанных, слежавшихся волос. Хлопец стянул ватник. Мария увидела темную от грязи рубашку, расшитую когда-то радужным узором. Такие сорочки обычно вышивались девочками хлопцам в подарок. Теперь праздничная сорочка поблекла, от неумелой мужской стирки пожелтела и была завязана не веселым шнурочком с кисточкой, а куском шпагата.

– Растопи печку, – сказала Мария. – Или отвык уже от этого?

Остап умело разложил заготовленную растопку. Девушка поставила на плиту ведро, стала собирать на стол. Сдвинула в сторону тетради, учебники, принесла глечик с молоком, завернутое в чистую холстину сало.

В окно громко постучали. Остап резко выпрямился и мягко, чего никак нельзя было ожидать от его большого, неуклюжего тела, метнулся в угол к автомату. В том, как он чуть наклонился вперед, вскинув к плечу автомат, проскользнуло что-то от зверя, привыкшего к постоянной опасности.

Встревожилась и Мария. Торопливо смахнула со стола посуду. Прикинула, не будет ли видно из окна затаившегося Остапа. И только после этого отдернула занавеску.

– Не спите, Мария Григорьевна? – По голосу она узнала Леся Гнатюка. В расплывчатом, сером полумраке угадывались еще две тени.

– К урокам готовлюсь, – спокойно ответила Мария и, отложив в сторону тетрадку, взяла из стопы другую.

Оттуда, из темноты, хорошо было видно и ее и комнату кроме ближнего угла.

– Не пустите воды напиться? – спросил Лесь.

– Негоже, когда хлопец к девушке ночью заходит, – после паузы сказала Мария. – Что люди скажут? А водички вынесу...

Через неплотно прикрытую дверь Остап слышал, как Мария выговаривает хлопцам за то, что они блукают ночью, и как те перебрасываются с нею шутками, рассказывают, что подстергали связника из леса, да безрезультатно, а то бы они его встретили... Наконец Лесь попрощался, и Мария возвратилась. Остап шагнул к ней, злобно прохрипел:

– И нашим и вашим служишь?

Мария не испугалась, не отпрянула от автомата. Устало сказала:

– Учительница я, понятно тебе? Детей учу. Вот женишься ты, и твой сын придет ко мне в класс, его буду грамоте обучать...

– На моей свадьбе вороны веселиться будут, – мрачно ругнулся Остап.

– Нельзя так шутить, – выговорила Мария и, наливая горячую воду в миску, скомандовала: – А теперь раздевайся до пояса – мойся, а то запаршивел весь. Да не стесняйся и не бойся – хлопцы по домам пошли...

...Она и Стафийчуку сказала, когда тот вошел в ее комнату: «Учительница я». Стафийчук устало опустился на табуретку, непослушными пальцами достал сигарету.

– Испугалась? – спросил он и, посмотрев на ее безвольно опустившиеся плечи, утвердительно сказал сам себе: «Испугалась». Это успокоило, он привык, что его появление вызывает страх, и знал по опыту: тот, кто боится, становится послушным и покорным.

Но учительница вдруг выпрямилась, резко ответила:

– Мне нечего бояться – зла никому не сделала...

– Ого, да ты, оказывается, с характером!.. – Прикурил от лампы и осмотрелся.

Комната была еще мало обжитой, чувствовалось, что в нее только вселились. Под дубовой лавкой, сбитой на века, широкой и устойчивой, лежали чемоданы. Для одежды вбиты гвозди. Посуда громоздилась на табуретке. Но окно уже укрылось веселенькими ситцевыми занавесками, такими же, как и на спинках никелированной кровати, к стене приложена полка с книгами, портрет Шевченко. На столе фотография мужчины средних лет в гуцулке.

– Кто?

– Знакомый один.

Стафийчук взял в руки фотографию: широкий лоб с ранними залысинами, жилистая шея – тесно ей в узком воротничке гуцулки, равнодушные глаза.

– Где-то я его видел... Нет, не вспомню...

Ужинали молча – говорить было не о чем. Стафийчук ел неторопливо, аккуратно. Пистолет положил на край стола, все время поглядывал на окно, прислушивался к скрипу старого ясеня. Потом начал задавать вопросы, быстрые, резкие, как на допросе:

– Давно приехала?

– В воскресенье.

– Зачем?

– Детей учить.

– Чему?

– Чему меня учили.

– Чему тебя учили?

– Многому, – наивно сказала она, – математике, географии, литературе...

– Я не про то. Сам учитель – знаю. Любви к Украине в том институте тебя учили? К свободной и вольной?..

– Да, – кивнула головой Мария. И спросила сама: – Ну какой ты учитель? Оружие учителя – знания, а не вот это... – указала на пистолет.

Стафийчук встрепенулся и запальчиво сказал:

– Если хочешь знать, я литературу преподавал. Ты тоже?

– Нет, я математик.

Пока Мария мыла посуду, Стафийчук подошел к полке, посмотрел книги.

– «История ВКП(б)», – прочитал он вслух и раздраженно бросил: – Может, ты еще и коммунистка?

– Нет, комсомолка.

– Одно и то же.

– Я с Восточной. У нас вся молодежь – комсомольцы, – не то объяснила, не то возразила Мария.

– Читаешь не те книжки. Я тебе передам такие, которые написаны настоящими украинцами. А то дуже ты пропахла восточным москальским духом...

– Подойди понюхай, – внезапно рассердилась Мария; она насмешливо уперла руки в бока и не отводила взгляд, хотя Стафийчук грозно хмурил брови. – Звать только не знаю, как тебя, бывший учитель, а то я бы тебе сказала...

– Стасем называй. А що маеш сказаты?

– Пришел в чужую хату и командуешь... Учителем себя называешь, а за стол сел, шапку не снял. Я тебя не спрашивала, кто ты, когда в дом ввалился, не устраивай и мне допросы...

Мария осерчала не на шутку. В запальчивости сыпала словами, незаметно для себя перешла на местный диалект. Стась спросил:

– Говоришь, с Восточной? По выговору – западнянка.

– Работала после института под Львовом.

– Наших там встречала?

Стась оживился. Вопрос, почему его спасла от облавы эта дивчина, комсомолка, заведующая советской школой, не давал ему покоя. Он усиленно пытался найти ответ, но не находил, и оттого не знал, как вести себя дальше в этой хате, где читают «Историю ВКП(б)».

– Разные попадались, – насмешливо ответила Мария. И снова сердито нахмурилась: – Опять допрашиваешь... друже Стась?

Это «друже» – обращение украинских националистов – прозвучало столь неожиданно для Стафийчука, что он даже привстал, хотел снова что-то спросить, но Мария не дала ему и рта раскрыть. Резко сказала:

– Давай договоримся: я тебя в гости не звала, вежливой быть не обязана. Если что не по нраву: вот бог, – она кивнула в сторону пустого угла, – а вот порог, – и ткнула пальцем на дверь.

– Не будем ссориться, – примирительно согласился и Стафийчук. – А нашу литературу я все-таки тебе пришлю.

Он думал о том, что хорошо бы эту решительную, с таким добрым легальным положением дивчину привлечь на свою сторону. Можно было бы и отсидеться у нее, как сегодня, и жилье использовать для тайных встреч связников – кто заподозрит заведующую школой? Поэтому и не стал допытываться, кто да что, но про себя решил: как только вернется в лес, сразу же поручит своим эсбековцам² навести о ней справки.

На прощание Стафийчук протянул девушке руку, бодро сказал: «Ненька Украина не забудет твоей услуги». Мария усмехнулась, неопределенно ответила: «Будем надеяться...»

...И вот теперь от него пришел Остап.

– Стась велел передать, если понадобится что-нибудь от наших – повесь половик проветривать на старый яшень.

Это означало, что и Мария и ее дом теперь будут под постоянным наблюдением тех, кто в селе связан с бандеровцами. Кого?

– Что передать Стасю?

– Скажи: я прошу оставить меня в покое, – резко бросила учительница.

– Как же, так он тебя и оставит... – пробормотал парень уже за дверью.

² СБ – служба безпеки – карательный орган в бандитских формированиях украинских буржуазных националистов. Занималась расправой с непокорными, осуществляла террористические акты, помогала главарям держать в страхе бандитов, запугивать их жестокой расправой, если они проявляли колебания или сомнения. Сами бандиты часто сравнивали СБ с гестапо.

Клятва Ивана Нечая

– Когда я была совсем маленькой, слышала легенду, которую хочу и вам рассказать. Давно это было, еще в годы революции. То ли под Москвой, то ли на Дальнем Востоке, а может, и здесь, когда рубились наши отцы с белополяками. Один красный отряд попал в тяжелое положение – окружили его враги, свинцовым дождем перекрыли все дороги-пути. И день бились бойцы и второй – патроны кончаются, пороховой дым глаза выедаёт, лица почернели от усталости, и врагов побили – не пересчитать, но выбраться из ловушки не могут. Велел тогда командир позвать самого молодого и смелого разведчика, о подвигах которого песни слагали. Сказал ему: «Мы погибнем, а тебе поручаем вынести к нашим красное знамя отряда, не должно оно попасть к врагам. Вот тебе последняя граната и пять патронов, больше у нас нет. Уходи и уноси знамя». Обмотал разведчик знамя вокруг тела, попрощался с товарищами, ушел. Только не повезло хлопцу – заметили его беляки, набросились со всех сторон, хотели живым взять. Пятью патронами прикончил разведчик пятерых. Потом встал во весь рост, поднял над головой знамя, крикнул: «Подходи, кто смелый!» – И когда потянулись к нему вражьи руки, рванул кольцо гранаты. Взрыв разбросал по всей нашей стране капли его крови горячей, упали они на грудь самым честным, самым смелым хлопцам и девушкам и обернулись комсомольскими значками...

Кончила Мария Григорьевна лекцию. В зале тишина. На лавах сидят хлопцы и девчата. У хлопцев по последней деревенской моде вокруг шеи белые шарфы. Девчата сбросили хустыны³ на плечи, у каждой до пояса тяжелые косы. Освещают зал несколько ламп, которые раздобыл где-то новый заведующий клубом Лесь Гнатюк. Он с баяном пристроился в уголке, положил руки на мехи, заслушался. На передних рядах чинно – руки на коленях – сидят люди пожилые, уважаемые в селе. Они тоже пришли посмотреть, что затеяла молодежь. Клуб давно пустовал, и всем надоели длинные тоскливые вечера, когда с заходом солнца наглухо закрываются ставни и остаешься один на один со своими думами и заботами. Такие обычаи в селах – на клубные вечера приходят все: и пожилые и малые. И сейчас по углам, на подоконниках, как воробьи на ветках, разместилась шумливая сельская мелкота. За председательским столом – Иван Нечай.

– А в комсомоле всех стригут, как вас? – ехидно спросили Марию Григорьевну откуда-то из задних рядов.

Вразброд, недружно засмеялись. Посуровевший Нечай встал, хотел, видно, что-то сказать, но Мария жестом остановила его: «Сама отвечу!» Она задорно тряхнула короткой прической, вышла из-за трибуны и теперь стояла на виду у всего зала – стройная дивчина, энергичная, коротковатое платье ладно облегает фигурку, и вся она в неверном свете ламп кажется прищелицей из другого, не деревенского мира.

– По голосу слышу – парень сказал. Может, встанет, чтобы я хоть посмотрела на того, кто мою прическу приметил?

В глубине зала задвигались, зашумели вполголоса:

– Так встань...

– Да отвяжись ты!..

– Бач, як в темноте языкастый...

– Точно, – весело подтвердила Мария. – В темноте языкастый, при свете трусоватый.

– Ну, я сказал, – не выдержал наконец парень. Он встал, выпрямился во весь рост, неловко переминаясь с ноги на ногу; шапка в руках, взгляд исподлбья.

– Не нравится тебе моя прическа?

– Так я ж не про то, а что у всех девчат косы обплатают...

³ Хустына – платок. (Здесь и дальше перевод с украинского.)

Мария через весь зал прошла к парню, стала рядом, повернула его лицом к себе.

– О комсомоле много небылиц плетут – боятся его или не знают о нем, вот и плетут. Думают, что найдут дурней, которые им поверят. Только нет больше таких. Правда, был до последнего времени один в... Зеленом Гае, да и тот поумнел.

– Ага... – растерянно пробормотал смутившийся парень.

Хлопцы и девчата, внимательно следившие за «ихней» учительшей, весело расхохотались. Мария почувствовала, что зал на ее стороне, понимает и принимает ее, и уже уверенно, озорно посоветовала парню:

– А вот тебе бы постричься не мешало. Вон как оброс...

Парень смущенно сопел, переминался с ноги на ногу. Он уже был не рад, что связался с этой острой на язык учительницей, перед всем селом опростоволосился.

– Ну а что касается причесок, – уже серьезно сказала Мария, – так я вот что скажу: каждая дивчина должна носить ту, которая ей больше всего к лицу. Понятно?

– Какие еще будут вопросы? – спросил Нечай.

Вопросов было много. О том, как принимают в комсомол. И обязательно ли комсомольцам вступать в колхоз? Как комсомол на любовь смотрит? И можно ли у комсомола получить путевку, чтобы поехать учиться в город?

Мария отвечала неторопливо, обстоятельно. Лекция давно кончилась, и шел уже тот непринужденный, доверительный разговор, который можно вести только с умным и серьезным собеседником. Мария раскраснелась, оживилась, отбросила привычную сдержанность, находила удачные слова, пересыпала свою речь народными поговорками. Хлопцы и девчата окружили ее плотным кольцом. Особенно тянулись к учительнице девушки. Не одна, наверное, подумала, что и она могла бы быть такой же энергичной, толковой, как ее ровесница-учительница, вот только бы образования побольше.

Нечай тоже покинул председательское место. Он теперь стоял в кружке молодежи, рядом с Марией, иногда подсказывал ей, как правильно ответить.

Иван в душе удивлялся. Ишь ты, не такая уж она тихоня, эта новая учительница! И историю комсомола знает неплохо, и с молодежью умеет разговаривать. Инструктор райкома был доволен – лекция, на которую комсомольцы возлагали столько надежд, явно удалась. А повелевался он немало. Клуб в селе давно уже не работал, пустовал, молодежь охотнее собиралась на посиделки «на дубки». Поэтому еще днем Надийка наказала всем комсомольцам, чтоб не только сами пришли на лекцию, но и всех приятелей привели. А Лесь засветло сел на крылечке клуба, растянул мехи баяна.

Появились хлопцы из недавно сформированного истребительного отряда. Им поручили нести охрану, но так, чтобы это не бросалось в глаза. Поздоровались ребята с Лесем и разошлись в разные стороны – никто теперь не подойдет к клубу незамеченным. Ранение Данилы многому научило, в том числе и осторожности.

– Сыграй, Лесю, мою любимую, – попросила Надийка и чистым звонким голоском попыталась уговорить «мисяченьку не свитьти никому».

Пришла Мария Григорьевна. Она просматривала исписанные листки бумаги, беззвучно шевелила губами – что-то повторяла.

Потянулись минуты ожидания. Придут... Не придут... А вдруг действительно не придет молодежь в клуб?

В Зеленом Гае в клуб собираются поздно, когда солнце укатится за горизонт. Вечером по хозяйству много дел. Надо встретить скотину с пастбища, подоить коров. И только когда совсем стемнело, к клубу потянулась молодежь. Хлопцы и девчата сперва останавливались неподалеку, шелкали неизменными на деревенских посиделках семечками, перекидывались шуточками, с насмешкой поглядывали в сторону клуба.

Лесь отложил баян, гостеприимно распахнул двери.

– Проходите, не стесняйтесь...

Он первым вошел в пустой еще зал и заиграл что-то веселое, такое, что ноги сами начали выбивать дробненький гопачок. А когда танцы были в разгаре, вышел на сцену Нечай и громко объявил: «Мария Григорьевна Шевчук прочитает лекцию о комсомоле».

Марию Григорьевну сперва слушали больше из вежливости – новый человек, пусть себе говорит, закончит – опять потанцуем, – но потом заинтересовались: учительница говорила просто, доходчиво, сама увлеклась и слушателей сумела увлечь.

– Понравилась лекция? – обратился ко всем Нечай.

– Понравилась, – ответили ему.

Потом кто-то спросил:

– А что еще будет в клубе?

– Про то расскажет вам Лесь Гнатюк. Комсомольская организация назначила его заведовать клубом.

– Ого! Это ж выходит, Лесь в начальство выбился...

– А ведь правильно – на баяне хорошо играет...

– Так у него ж образования пять классов...

– Зато хлопец хороший, – вступилась за Леся какая-то дивчина и застеснялась, спряталась за подружек.

Лесь, смущаясь своей новой роли, довольно толково рассказал о планах комсомольцев. И еще сообщил: решили они добиваться, чтобы открыли в селе пятый и шестой классы вечерней школы, тогда каждый сможет учиться.

– Приходите в клуб, – приглашал Лесь, – кружки художественной самодеятельности организуем, концерт дадим...

Марию Григорьевну провожал домой Нечай. Шли молча. Окунулся Зеленый Гай в ночь. Небо лохматой шапкой нависло над селом – прямо над головой иссиня-черное, а по краям размытое отблесками ушедшей зари.

– Не думал я, что вы так хорошо лекцию прочитаете, – нарушил молчание Нечай.

– Недаром же меня четыре года в институте учили, – ответила Мария.

Ночью голоса далеко слышатся, поневоле хочется говорить тихонечко, только для того, кто рядом, и от этого вплетается в разговор доверительность.

– И только? Чтобы так рассказывать о комсомоле, его надо любить.

– Знать, хотите вы сказать?

– Нет, – настаивал Нечай, – именно любить. И еще что-то для этого нужно, ну, талант, что ли. Вот у меня, – огорченно признался он, – не получается так. Хотя и знаю я историю комсомола и для меня в нем вся жизнь – получал я билет в партизанском отряде, а вот не смог бы так говорить, как вы, – слушает меня молодежь с холодком. Вижу, как иногда отскакивают от людей мои слова. Не доходят...

– Это оттого, что вы жесткий, колючий, на всех с недоверием смотрите. Вот и на лекции – сидите отдельно от всех: неприступный, брови грозно сдвинуты, будто ждете, что сейчас, сию минуту, произойдет что-нибудь неприятное.

– А вы думали, не ждал? В том зале сидели и такие, что со Стафийчуком одной веревочкой связаны. Это и есть классовая борьба. Резолюции в ней прописывают автоматами!

– Нельзя всех подозревать, Иване, – убежденно сказала Мария. – К людям надо идти с открытым сердцем. Ненависть ослепляет. От любви вырастают крылья.

– Вы случайно не из сектанток? – едко поинтересовался Нечай. – И возлюби ближнего своего? Любовь... Крылья... – зло рубанул рукой инструктор райкома комсомола.

Он внезапно остановился, схватил Марию за плечи, повернул к себе, заговорил горячо, больно:

– А вы видели девчат, растерзанных бандитами? Я видел. Приехала в село девчоночка, библиотекарка, только приехала, добрая, с открытым сердцем, книжки людям по хатам носила, упрашивала: «Почитайте. Как вы можете жить, не прочитав “Фата моргана”?» А над нею надругались, глаза выкололи и книжки в ее комнатушке кровью забрызгали. Слышали вы, как дети оплакивают отца? Вчера еще под потолок их подбрасывал, пестовал, а теперь лежит с пулей в спине, а ребятишки никак его не разбудят, плачут, и мать им ничего сказать не может, потому что мать тоже звери убили. Слышали вы это, видели? И вы хотите, чтобы я слова про любовь говорил? К кому? К врагу, к кату?

Мария осторожно сняла с плеч руки Нечая, отодвинулась в темноту.

– Я не о том, Иване.

– Так я о том! Ненавижу! Ненавижу и буду стрелять в каждого, кто на дороге у людей становится!

– Вдруг ошибетесь?

– Мне совесть моя подскажет.

– Смотрите, Нечай, – холодно сказала Мария. – И совесть может ошибиться. Да и кто вам дал такое право – стрелять в каждого, судить от имени своей совести, верить только себе? Вам доверили многое – вы же озлобились, ожесточились...

– Не понимаете вы меня!

– И не пойму. По-другому думаю!

– Тогда не о чем нам разговаривать. Одно только скажу: поклялся я вот эту гимнастерку, – Нечай хлопнул себя ладонью по груди, – не менять на сорочку вышиванную до тех пор, пока хоть один бандеровец в округе землю топчет.

– Землю родную не один вы любите.

Иван замолчал. Они уже давно пришли к школе и теперь стояли у плетня. Мария неприятно поглядывала на темные окна комнаты – неудобная она, и, когда заходишь, будто весь мир остается где-то там, за порогом.

– Странная вы, Мария Григорьевна. Когда вы о комсомоле рассказывали – понимал вас, сейчас же – нет. Рассудочная вы какая-то, и хоть говорите о любви к людям – не верю...

Учительница насторожилась. Значит, прозвучали где-то неискренние нотки. Где ошиблась: в клубе ли, в разговоре? И в чем? Плохо, очень плохо, Мария! И жаль, что Иван не понял ее. Партизанский характер у Нечая – с таким и до беды недалеко. И ей, Марии, такие разговоры ни к чему: Иван только по виду простоватый, а так – пальца в рот не кладет.

На следующий день все село говорило о вечере, организованном комсомольцами, и еще о том, что перед самым рассветом кто-то сорвал с клуба красное знамя, разорвал в клочья и втоптал в грязь.

Каждый должен сделать свой выбор

Ночью снова раздался тихий стук в окошко. Мария, не спрашивая кто, приоткрыла дверь,пустила ночного гостя. Стафийчук вежливо поздоровался, пожелал учительнице доброго вечера.

– А как же будет он добрым, если каждую неделю из леса навещают, – недовольно проговорила Мария. – Ну проходи, садись.

Стафийчук прошел в комнату, снял кожушок. Был он невысокого роста, лицо молодое, а избороздили его морщинки, время припечатало под глазами гусиные лапки. Поредевшие русые волосы, глубокие залысины придавали Стафийчуку сходство с деревенским фельдшером. Он не был ни чубатым красавцем, ни обросшим верзилой, как рассказывала о нем сельская молва. Именем Стафийчука матери детей пугали, слухи о его кровавых подвигах быстро обрастали подробностями, и народ создал свой образ бандита, который никак внешне не походил на усталого человека, пришедшего к Марии. Но народ редко ошибается: в глазах Стафийчука проглядывала жестокость, в порывистых, резких движениях – недюжинная сила, и можно было предположить, что он и вынослив, и хитер, и коварен. Рассказывали, что бандит очень богомолен и сентиментален. На стенах лесного бункера висят его творения – пейзажи с белыми мазанками, вишневыми садочками и голубыми до одури прудами – художник-недоучка, возмнивший себя «освободителем». Если творил расправу над сельскими активистами в лесной чащобе, обычно предлагал помолиться перед смертью, в ответ на отказ сокрушенно покачивал головой: «Забыли мы про Бога», и безжалостно вспарывал животы, резал звезды на спинах, прикрываясь именем Господа и «самостийной» Украины.

Такой вот человек был гостем Марии Шевчук. Бандеровский проводник начал велеречиво, с благодарностей.

– Хлопцы рассказывали, как ты им помогла... Дякую от имени провода!

– Почему хлопцы? Тебя что, не было?

– Ходили в рейд, оставалась здесь только часть наших, если б не ты – переловили бы их, как зайцев в силки. Вот сам пришел щиру подяку выразить.

Мария привычно проверила, плотно ли зашторено окно, поставила на стол глечик с молоком, окраец хлеба, положила чистый рушник.

Стась зорко осмотрел комнату, но взгляд его не нащупал ничего подозрительного. Он по-хозяйски – жалобно скрипнули половицы под тяжелым шагом – прошел к столу, присел на стул. Автомат проводник положил рядом.

– Садись и ты, – пригласил Марию.

– Я в своей хате, – ответила девушка, но покорно пристроилась на краешке стула. «Так и должно быть, – отметил Стась, – боится: побледнела, глаза беспокойно бегают, голос дрожит, вялый, беспомощный».

– Пришел, как и обещал, чтобы поговорить с тобой о том, что дорого каждому украинцу, – немного торжественно начал проводник. – Настоящему украинцу... – подчеркнул он.

– Может, не надо таких разговоров? – спросила Мария. – Не доведут они до добра, сердцем чувствую.

– Кто же тебя так напугал, дивчино? – Стась картинно откинулся на спинку стула. – Кто тебе внушил, будто с нами нельзя говорить откровенно? – В словах проводника звучало искреннее удивление, недоумение.

Мария глянула на него настороженно, нерешительно спросила:

– Ты в Данилу стрелял?

– Я, – подтвердил Стась.

– Ну вот, видишь, как получается: Данила на комсомольском собрании против вас выступал, ругал – ты и решил с ним спорить с помощью автомата.

– Данила враг наш, а с врагом один разговор – смерть.

– Вот я и думаю: скажу что-нибудь не так – ты и со мной поступишь, как с Данилой... Нет уж, как в таких случаях умные люди говорят: моя хата с краю...

– Так ты совсем другая – не ровня Даниле... Уже мои люди во всей округе знают, что ты мне жизнь спасла.

– Этого еще не хватало, – совсем приуныла Мария. – Теперь у меня только один выход: уезжать отсюда немедленно.

– С чего бы это? – удивился проводник. – Я ведь о твоей безопасности забочусь. А то вдруг какой-нибудь ретивый «боевик» надумает свести счеты с советской учительницей.

– Не надо было этого делать, Стась, – Мария сказала это твердо, уверенно. – Получилось так, что помогла я тебе... Так зачем же про то болтать по всей округе?

Стась недовольно поморщился, его, видно, обидел этот неожиданный выговор. Он хотел было сказать, что не сопливой девчонке учить его, прошедшего многолетнюю школу борьбы, конспирации, но сдержался, терпеливо объяснил:

– Знают только наши доверенные люди. Их к стенке ставь – слова не выдавишь. А предупредить следовало – действительно могут не разобраться и отправить тебя на тот свет.

– За что? – Мария зябко передернула плечами, плотнее закуталась в широкий платок, накиннутый на плечи. – Я ведь никому ничего плохого не сделала.

– Ты школой советской руководишь, комсомолкой являешься. – Стась многозначительно помолчал, потом строго спросил: – Чему детей учишь?

– Грамоте, вот чему.

– Не только. Наверное, рассказываешь им про советскую власть, всякие коммунистические идеи ребятишкам вдалбливаешь...

– Учю их тому, что предусмотрено программами. – Девушка решительно встала, давая понять, что спорить на эти темы не хочет.

– Сядь! – потребовал проводник. – Наш разговор только начинается. Если ты любишь свою Отчизну, должна воспитывать у детей любовь к Украине.

Мария немного помедлила с ответом. Она отвернулась к окну, и лица ее не было видно. О чем думает дивчина? Может быть, о том, что там, за окном, Украина, поля ее, заводы, росистые разливы лугов, необъятные поля пшеницы, горы буковинские и степи таврийские?

Сказала Мария:

– Ты прав, Стась, обязан учить каждый педагог своих питомцев любви к Родине...

– Согласна? – обрадовался проводник. – Я знал, что ты все поймешь.

– Когда была я совсем маленькой, отец любил водить меня осенними вечерами к реке. Стояли мы на круче, а высоко в небе тянулись к южным краям журавлиные ключи, и далеко вокруг слышалось их тоскливое курлыканье. «Слышишь? – спрашивал отец. – Журавли плачут. Ненадолго родину покидают, а плачут...» И еще он мне говорил, что не может человек без родины...

– Настоящий патриот твой отец, – одобрительно кивнул Стась. – На таких наша земля держится.

– Твоя правда, – охотно подтвердила Мария. – И когда пришли на нашу землю гитлеровцы, взял мой тато автомат и подался к партизанам...

По лицу Стася скользнула тень. Он нахмурился, сердито свел брови.

– Значит, ты из партизанской семейки.

– А чем тебе это не нравится? Партизаны с оружием в руках боролись за счастье Отчизны, защищали ее от лихого врага.

– В союзе с москалями...

– Сказала уже: не хочу на эти темы с тобой спорить. Все равно не поймем мы друг друга. И есть для меня только один выход – уехать из Зеленого Гая, раз натворила столько глупостей.

– Никуда ты не уедешь, – отрубил Стась. – Ты нам здесь нужна.

– Кому это «нам»? – учительница вскинула брови.

– Тем, кто не щадит ни сил, ни жизни в борьбе за великие идеи!

Главарь банды настроился на торжественный лад, заговорил о борьбе за самостоятельную державу, «свободную от коммунистов и москалей». Он умело подтасовывал факты, искажал события, в его рассказе бандеровцы выглядели чуть ли не великомучениками за народ – непонятно только, почему их именами детей на селах пугают. Мелькали обильно слова «любимая», «единственная», «прекрасная» в сочетании со словом «Украина», и опять-таки было непонятно, как можно истязать и грабить ту, которую называешь «единственной» и «прекрасной». Особенно часто мелькало слово «самостоятельность» – его Стась повторял как заклинание.

Проводник говорил долго. Он пустился в исторический экскурс, изложил воззрения видных националистических идеологов, помянул и «славных лицарей», которые оружием утверждают их идеи на украинской земле.

– Ничего я действительно не понимаю, – тоскливо, очень безнадежно махнула рукой Мария. – Вот ты говоришь: герои... А люди твоих хлопцев бандитами называют – они хаты жгут, детей и тех не жалеют...

– Террор нас никогда не пугал, – опять принялся объяснять бандеровец. – Больше того, сейчас это единственное реальное для нас средство борьбы. Пусть горят села, пусть дым затягивает небо – история нас простит.

– Нет! Историю создает народ, а народ никогда не прощает причиненного ему зла.

– Браво, учительница! – насмешливо захлопал в ладоши Стась. – Оказывается, ты тоже умеешь дискутировать!..

– Говорю, что думаю.

– Заметил уже. Потому и прощаю злые слова в наш адрес. Не от ненависти они, а от непонимания целей нашей борьбы. Верю, что ты будешь с нами! – торжественно провозгласил он.

– Нет, Стась, – твердо ответила Мария. – Единственная моя мечта – жить спокойно, учить детей доброму и разумному.

Стась насупился, замолчал, нервно барабанил пальцами по столу. Ему-то казалось, что привел убедительные аргументы, доходчиво и популярно изложил основы бандеровской веры. И вот никаких результатов: то ли не верит ему эта учительница, то ли запугана и потому стремится держаться подальше от таких, как он. Твердит как заводная: «моя хата с краю». Наверное, считает, что для нее лучший выход – сидеть тихо и мирно, ни во что не вмешиваться. Только ничего не выйдет у нее с таким нейтралитетом. Не стал бы он, Стась, тратить на эту дивчину столько времени, если бы не важные для того причины.

Самый веский аргумент, размышлял Стафийчук, – это пуля. Жаль только, нельзя им воспользоваться в данном случае, учительница очень нужна ему, Стасю, для осуществления некоторых будущих планов. Она и сама еще не понимает, как крепко привязала себя к сотне и тем, что об облаве предупредила, и тем, что в трудную минуту проводника у себя укрыла.

Ничего, Стафийчук подберет к ней ключи. И не таких обламывали. Какое ему в конце концов дело, с верой ли в идею самостоятельности будет выполнять его приказы или нет? Важно, чтоб со страхом, с постоянной мыслью о мучительной смерти, если изменит, выдаст.

В окно трижды постучали: два раза подряд и после паузы еще раз.

– Мне пора, – поднялся проводник. Он щелкнул предохранителем автомата, вскинул его на плечо. Уже с порога сказал: – Мы еще встретимся, наш разговор не окончен. А пока хорошенько подумай над тем, что я тебе говорил. Предупреждаю: у тебя только два пути – или

с нами, или против нас. И хотя ты спасла мне жизнь – забуду про это, если только вздумаешь снюхаться с нашими врагами.

– Снюхаться? – переспросила Мария. – Ну и лексикон у тебя, Стась, давно таких словечек не слышала... Значит, решил со мной не церемониться? Тогда зачем было так долго топтаться вокруг да около? Впрочем, – учительница говорила тоскливо и покорно, – получаю то, что заслужила, – за страх всегда платят дорогой ценой...

Провожая Стасю до двери, она думала о том, что проводник один никуда не ходит, даже к ней наведалься с телохранителями, и, пока рассуждал о соборной, самостийной державе, автоматы бандитов стерегли каждую тропинку к ее дому.

Назовем тебя Зоряной

Стафийчук снова и снова посылал связников, и Мария чувствовала, что даже днем и она и дом ее находятся под неусыпным наблюдением. Потом Стафийчук снова лично пожаловал к Марии. На этот раз его сопровождал высокий хлопец с багровым рубцом на левой щеке. Пока Стась разговаривал с учительницей, он неподвижно сидел на лавке, положив на колени автомат.

– Надумала? – уже с порога спросил проводник. Он торопился и не хотел терять время на пустые разговоры.

– Не для меня это, Стась. Я учительница, и единственное, о чем прошу, не впутывайте меня в свои дела. Темные они у вас, как лес, в котором прячетесь от людских глаз.

– Ого, вон ты как заговорила! – глаза бандитского главаря злобно блеснули. Он оглянулся на телохранителя, и тот, сняв с колен автомат, равнодушно откликнулся:

– Стрелять не будем – шуму много. Я удавку на всякий случай прихватил, будто знал, что понадобится...

Удавка – бандитское изобретение. Человек, на которого она набрасывалась, прощался с жизнью мучительно и безмолвно. Мария вздрогнула, попятилась к стене. Бандеровцы пристально следили за каждым ее движением. Стафийчук уловил во взгляде загнанность, безысходность и удовлетворенно усмехнулся. Так лучше. Похорохорилась, а на поверку оказалась, как все: когда заставляют поцеловаться со смертью, готова на колени стать.

Но Мария переборола себя. Она вдруг выпрямилась, и во всей ее хрупкой фигурке появилась такая решительность, что бандеровцы изумленно переглянулись. Учительница презрительно бросила:

– Думаешь, испугалась? Я тебе не Горпина с хутора глухого, которой ты пистоль под нос сунешь, и она уже пятки лизать будет.

Бесстрашно подошла к тому, что сидел на лавке.

– Ну, набрасывай свою удавку...

Телохранитель вопросительно посмотрел на проводника. Тот незаметно для Марии жестом приказал: пока не трогай, повремени. Спросил:

– Что заставило тебя протянуть мне руку помощи? – Несмотря на высокопарный тон, вопрос звучал издевательски.

– Сама не знаю. Сперва перепугалась, а когда пришла в себя, уже поздно было что-нибудь делать – все равно подумали бы, что тебя прячу. Но сейчас я бы тебя спасти не стала, нет! – Мария в ярости топнула ногой.

– А второй раз, когда сообщила про облаву?

– Ну что ты все пытаешься? Думаешь, дурочка? А если бы тебя поймали и пытали про ту ночь? Где бы я сейчас была?

– Ага, понимаешь, связаны мы с тобой одной веревочкой. Советы тебе не простят то, что сделала. По их понятиям, ты уже стала нашей пособницей. У нас же, – опять перешел Стась на возвышенный тон, – национальной героиней станешь. Центральный провод там, за кордоном, про тебя узнает. Наши поэты вирши о тебе будут писать... Видно, прошлый раз ты меня не поняла, потому еще раз повторю.

Станный это был разговор. Глухой ночью, за зашторенными, чтобы и полоска света не пробилась, окнами, жестокими угрозами и сладкими посулами вербовали бандеровцы в банду молодую учительницу. И наконец бандит выложил свой последний, жестокий аргумент.

– Тебя мы не уьем, – он пренебрежительно махнул рукой: мол, на кой ляд нам твоя смерть? – Но ты такой жизни тоже не порадуешься. Детей, говоришь, любишь? Как цуцелят

перестреляем твоих учеников в случае чего. Они будут отвечать за твою верность нам или твое предательство...

Мария бессильно опустила на стул. Она готова была умереть сама, но чтобы погибли дети? Разве можно такое допустить? Стафийчук пристально следил за нею и, конечно, догадался, о чем думает. Решительно подтвердил еще раз:

– Не сомневайся – перестреляем!

Стась неслучайно так настойчиво добивался согласия Марии на вступление в банду. В последнее время он и его сообщники попали в отчаянное положение. Банду сильно потрепали истребительные отряды. Облавы следовали одна за другой. После каждой росли потери. А пополнения ждать неоткуда. По подпольным каналам связи шли из-за границы оружие, деньги, пропагандистские материалы. «Боевиков» же предлагалось вербовать «на землях», то есть на территории Украины. Но селяне не хотели идти к бандеровцам. Так прямо в лицо им и говорили: «Краще смерть». Некоторых бандиты убивали. Другие сами брались за оружие – вступали в «ястребки».

Стафийчук знал: в окрестных лесах отсиживаются, затаились мелкие группки бандеровцев, давно уже превратившихся в обыкновенных грабителей с большой дороги. Но связи с ними не было. Трудно стало курьерам Стася пробираться тайными тропами: их ненавидело население, вылавливали сельские активисты и без лишних слов волокли в милицию. Совсем недавно провалился один из самых надежных мертвых пунктов⁴. И почему? Ребятишки, эти чертенята в красных галстуках, высмотрели.

А связь необходима. Не только с краевым проводом (она пока действовала надежно, вели ее опытные конспираторы), с другими группами националистов. Недавно получен приказ центрального провода о проведении операции «Гром и пепел». Приказ категоричный: осуществить операцию в ближайшее время, не останавливаться ни перед чем. Что им, закордонным вождям, до трудностей Стафийчука? А где взять силы, чтобы осуществить такое рискованное дело? Выход только один: объединить разрозненных «боевиков», подчинить единому командованию. И чем скорее, тем лучше: не ровен час останешься командиром без солдат, загнанным волком будешь кружить по лесным буеракам. И для всего этого нужен человек, который бы свободно передвигался по селам и хуторам, вязал порванные нити. Мария очень подходит для этой задачи. Если ее как следует вышколить, разумеется. Стась навел справки: Мария Григорьевна Шевчук действительно закончила педагогический институт, работала под Львовом. Ее родители проживают в Полтавской области, отец – колхозный конюх, мать – дома. Живут небогато. Мария ничем не обязана Советам, и нечего ей за них цепляться. Да и условия для вербовки подходящие.

– Все поняла?

Он подошел поближе, чтобы видеть ее лицо. В глазах учительницы не было слез, не было и ненависти – смотрели трезво, как смотрит человек, уверовавший в силу другого человека. Стасю это понравилось: «расчетливая».

– Что надо делать? – спросила Мария. Потом вдруг опять вспыхнула, бросила зло: – А эту ночь я тебе припомню!

– Вот это другой разговор! – Стась облегченно вздохнул, пошутил: – Будут у нас еще ноченьки впереди, рассчитаешься.

Телохранитель тоже усмехнулся. Нарочитая, настороженная дрема спала с него, он захлопал по карманам, нащупывая кисет.

Стафийчук долго и подробно инструктировал Марию. О средствах связи, опознавании его людей, которые будут приходить, о том, что надо делать, если возникнет срочная необходимость связаться с ним. Под конец, вспомнив, заулыбался:

⁴ Мертвый, или контактный, пункт – у бандеровцев тайник для подпольной почты.

– Рассказывали мне, как ты лекцию читала... Талант! Говорят, даже старики заслушались. Правильно! От комсомола не отрывайся, все их поручения выполняй – чтобы никаких подозрений. Нас можешь лаять и хаять как вздумается – не убудет. За колхоз агитируй, лекции читай – надо, чтобы тебе верили...

На прощание опять не удержался от патетики:

– Придет время – и твое имя прогремит по всей Украине. Лучшие сыны народа будут произносить его с благоговением...

Телохранитель притушил сигарку и смачно плюнул на пол. Стась покосился на него неодобрительно и деловито, буднично закончил:

– Мы назовем тебя Зориной. Сам кличку для тебя выбрал.

...С этой ночи легла тропка между домом Марии и лесом. Приходили люди Стась, передавали поручения проводника, учили Марию «тайнам» лесной борьбы. О разном говорила с ними учительница: о жизни в лесу, о прошлом, иногда расспрашивала о проводнике. Лесные «инструкторы» благожелательно – Стась предупредил, чтобы были внимательными к только что завербованной учительнице, – удовлетворяли ее любопытство. Конечно, не вдаваясь в особые подробности. Смеялись: «Видно, понравился тебе наш проводник...» Один расскажет одно, другой – другое...

Стась к обучению Марии отнесся весьма ответственно. В его планах она занимала важное место, потому и не жалел ни сил, ни времени. Радовался про себя: «Добрый курьер выйдет из этой дивчины». Иногда тоже сбрасывал вечную подозрительность и вспоминал прошлое. Мария умела слушать, восхищенно ахала, когда повествовал проводник о своих «подвигах», сокрушенно вздыхала, если речь заходила о лишениях. Кажется, она окончательно примирилась со своей участью.

«Сообщаю некоторые сведения о проводнике. Станислав Омелькович Стафийчук (псевдо⁵ – Ярмаш), 1914 года рождения, из семьи греко-католического священника. Рано, в возрасте 15 лет, примкнул к бандеровско-националистическому движению. Получил образование во Львове, недолго учительствовал в Зеленом Гае. Исчез из Зеленого Гая в 1935 году. Некоторые его сообщники утверждают, что он отправился в Берлин, для обучения в Центральной академии ОУН. В период раскола⁶ решительно поддерживал Бандеру, с которым лично знаком. На Украине вновь появился в 1941 году. Командовал сотней УПА. Принимал участие в расправе над крестьянами села Старого и в других карательных акциях бандеровцев против мирных жителей... Горлинка».

⁵ Псевдо – псевдоним, подпольная кличка у бандеровцев.

⁶ Имеется в виду борьба за власть в ОУН между Мельником и Бандерой. Мельник, который возглавлял ОУН, недостаточно поворотливо выполнял приказы гестапо. Бандера с кучкой приближенных и с помощью все того же гестапо подготовил «переворот» и захватил власть в ОУН. В преддверии войны гитлеровцы наводили «порядок» среди своих прихвостней.

Неженка, мамина доця

Мария действительно предупредила банду об облаве. Вот как это было. Шел урок. Мария не спеша диктовала условия задачи. Белоголовый хлопчик топтался у доски.

– Пиши, Васылько: в селе пятьдесят крестьянских дворов и пять хуторов. Пятьдесят дворов имеют наделы по три гектара. У хуторов по пятьдесят гектаров. Требуется узнать, сколько пахотной земли в среднем приходится на двор и сколько гектаров земли будет в колхозе, если крестьяне решат его создать...

Васылько стучал мелом, выписывая цифры, раздумывал над сложной задачкой. А Мария между тем думала о своем. Связной от Стася приходил дня три тому. Поручение принес мелкое, не стоящее того, чтоб из-за него ноги бить. Скоро ли Стась сочтет «обучение» оконченным? Все проверяет...

– Значит, так: перемножаем три на пятьдесят и пять на пятьдесят, потом все складываем... – Васылько вдруг перестал писать и понимающе протянул: – Эге, так в нашем селе землю еще в прошлом году поделили. Мария Григорьевна, это про нас задача, да?

Мальчик доверчиво, ясными глазами смотрел на учительницу.

– Молодец! А теперь узнай, сколько будет земли в колхозе...

– Моя нянька не хочет в колхоз вступать, – подняла руку Наталка Максимчукова. – С татом весь вечер спорят и спорят...

И весь класс принялся живо обсуждать вопрос, чьи родители уже вступили в колхоз, а чьи нет.

Васылько тем временем аккуратно выписывал цифры:

– У колхоза будет четыреста гектаров пахотной земли...

– Ого! – удивились ребята. – Добре хозяйство...

– Есть колхозы, у которых и по восемь и по десять тысяч гектаров, – сказала учительница.

Дверь тихонько приоткрылась, в класс заглянул Иван Нечай, поманил Марию. Он сообщил, что сегодня ночью организуется облава на банду. Все комсомольцы Зеленого Гая будут принимать в ней участие. Сбор в десять часов в сельсовете. Иван был возбужден, спешил.

– Ну что ж, желаю удачи!

– А вы разве не пойдете? – удивился Нечай.

Мария смущенно улыбнулась, развела руками.

– Ну какой из меня вояка? Я и винтовку в руках не держала. Только мешать буду. Да и к завтрашним урокам готовиться надо...

Инструктор райкома, слушая, хмурился все больше и больше.

– Вы неправильно понимаете свои задачи на селе, – резко сказал он. – Если думаете, что на современном этапе классовой борьбы учитель может остаться в стороне, то глубоко ошибаетесь, уважаемая Мария Григорьевна!

Густой румянец медленно заливал лицо Марии, пятнами перекидывался на шею. Эти пятна – расплывчатые, крупные – вызывали жалость. «Неженка, мамина доця», – презрительно подумал Нечай.

– Так я и рада бы с вами... Но не гоюсь я для таких дел. Еще отстану где, вам же морока... – оправдывалась Мария.

Девушка вертела в руках мелок. Пальцы покрылись белой мукой. Тоненькие пальчики с синими пятнами от чернил. И вся она: хрупкая, в белоснежной блузке, утонувшая в огромных сапогах – прошли весенние дожди, и дороги поплыли лужами, – производила впечатление не приспособленности, вызывала жалость.

– Ладно, – махнул рукой Нечай, – сами справимся. Но об облаве – никому ни слова...

– Нет-нет, что вы! – обрадованно и облегченно закивала Мария.

Она возвратилась в класс, строго прикрикнула на расшалившихся ребят, дала задание на дом.

– На сегодня хватит.

– Так не все ж задачки решили, – разочарованно протянул Васылько.

– В следующий раз.

Дома Мария разобрала наконец свои чемоданы, развесила на заборе, чтобы прохватил свежий ветерок, кое-что из одежды. Долго и звонко выбивала половик, посмотрела, куда бы его пристроить, потом небрежно бросила на ветку старого ясеня. «Хозяйственная у нас учительница», – делилась с соседками впечатлениями хроменькая баба Кылына. Едва стемнело, она заторопилась к кромке леса.

Зори горят вполнеба

Над лесами плыли весенние туманы. С вечера они забирались в овраги, в лесные чащобы, коротали там звездные, ясные ночи. По утрам разливались голубым, призрачным потоком по перелескам и полянам, затопляли деревья, сливались с водами рек и речушек. Деревья будто стояли по пояс в белом молоке.

Зори горели вполнеба – спокойные, яркие. Далеко за полночь не умолкали соловьи. Старые люди говорили, что в мае Весна празднует свою свадьбу с Солнцем, и все живое на земле радуется этому, славит жизнь.

Но утренние туманы еще пахли порохом и дымом пожарищ. С бандитами воевал весь народ. Кряжистые, мрачноватые селяне брали в руки винтовки и железной петлей облаивали банды. Они по первому сигналу тревоги перекрывали бандеровские стежки, без усталости гоняли банды по лесам. Сельские активисты научились отлично владеть винтовкой, и мало кто из лесовиков уходил от пули. Хлопцы и девчата создавали истребительные отряды. Молодежь тянулась к комсомолу. Но пока еще туманы пахли порохом...

Марии полюбились прогулки по окрестностям села. Почти каждый вечер она отправлялась к околице. Из окон хат и дворов на нее смотрели десятки глаз. «Сумее учителька, – переговаривались через плетни соседки и сочувственно вздыхали. – Да и как ей, молоденькой, в нашей глуши не грустить?»

Мария первой здоровалась со встречными. Так принято на селе. Когда с нею заговаривали, вспыхивала ярким румянцем. «Скромница», – отмечали с одобрением кумушки.

Деревенская улица заканчивалась «садыбами» – окраинной частью села, где хаты, сломав чинный строй, рассыпались в красочном беспорядке на холме. У его подножия – пруд с земляной гаткой – плотиной, сложенной еще в давние панские времена. На гребле полуразрушенная водяная мельница. Лопасти колес выломаны, доски покрылись скользким ярко-зеленым мхом, с потолков причудливо свешивалась паутина, припорошенная мучной, посеревшей от давности пылью.

Сельчанам хорошо было видно, как учительница неторопливо проходила греблей, садилась на балки старенького шлюза и читала, кутаясь в платок. Иногда Мария спускалась книзу, где струился ручеек, питавшийся водой из-под неплотно прикрытых шлюзовых щитков. Ручеек петлял по травянистой луговине и исчезал в лесу. Мария садилась на почерневший пенек, опускала босые ноги в прозрачную, всю в солнечных зайчиках воду. К ее прогулкам привыкли. И если вначале посматривали в сторону мельницы, то потом перестали обращать внимание на фигуру девушки.

Ивану Нечаю (он теперь переселился в Зеленый Гай) регулярные прогулки учительницы к старой мельнице внушали неясные опасения. Почему – он и сам не мог себе сказать. Просто казалось непонятным, что молодая девушка так любит одиночество. Иван поделился сомнениями с Надийкой.

– Странная какая-то эта Мария Григорьевна.

– Почему?

– От людей прячется...

– Да нет, просто не подружилась еще ни с кем – вот и скучает, – рассудительно возразила Надийка и ехидно добавила: – А то, может, развеселишь? Дивчина приметная...

– Ну тебя! – рассердился Нечай. – Я серьезно, а ты...

Надийка поиграла глазами, весело рассмеялась.

– Нет, не нравятся мне ее прогулки, – опять принялся за свое Нечай.

– Ой, вечно ты всех подозреваешь, Иван! Ты помнишь, какую лекцию про комсомол она читала?

– Что лекция... Бывает, слова с делами расходятся.

На следующий вечер Нечай пробрался на лесную опушку, откуда мельница как на ладони. Прислонился к грабу, терпеливо наблюдал, как появилась Мария, устроилась на пне, раскрыла книжку.

Минуты тянулись медленно. Иван уже начал поругивать себя за излишнюю подозрительность, когда учительница, отложив книжку в сторону, внимательно осмотрелась и пошла к мельнице. Иван насторожился. Марии не было несколько минут. «Что она там делает? – недоумевал Иван. – В мельнице ходить опасно, того гляди старая балка сорвется». Учительница возвратилась, снова взялась за книжку. А дальше Иван не поверил своим глазам: девушка вырвала из книги страницу, тщательно порвала листок, а клочки выбросила в ручей...

«Вырвала страницу? – торопливо размышлял Нечай. – Зачем? Почему по шматочку пустила в воду, будто боится, чтобы другие не прочитали? Стоп!.. А если это была не страница, просто лист бумаги? Письмо, записка?» Вывод напрашивался сам собой: нет, неспроста учительница ходит сюда на прогулки – в старой мельнице контактный пункт! Удобное место: село недалеко, и лес рядом. Зброшенное место – ветхое все, полуобвалившееся...

Унес ручеек разорванный грепс⁷. От кого – ясно. Ясно-то ясно, только могло ведь все это и почудиться.

А если действительно ходит учительница к мельнице книжки читать? Мало ли у кого какие странности... Нечай засомневался. Может быть, и вправду ему все мерещится? Еще недавно он действовал бы быстро и решительно: обыск, арест своею властью – в районе разберутся. Но сейчас почему-то не выходили из памяти слова Марии: «Вы готовы весь мир подозревать...» А вдруг?..

«...В РАЙОТДЕЛ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. Днями бойцами комсомольского истребительного отряда села Зеленый Гай была задержана на кладбище в момент провокации учительница местной школы Шевчук М. Г. Провокация заключалась в том, что вот уже на протяжении почти месяца в полночь на кладбище раздаются женские вопли, которые темные элементы используют для антисоветской пропаганды. Шевчук М. Г. находилась в тени часовни, и хотя она категорически отрицает свою причастность к описываемым событиям, кроме нее, в данный конкретный момент это сделать было некому. Вызывает подозрение и то, что учительница ведет уединенный образ жизни, часто ходит по хуторам и окрестным селам, что является удобным для сбора сведений. М. Г. Шевчук в наших местах человек новый и требует, на мой взгляд, тщательной проверки.

Инструктор райкома ЛКСМУ И. Нечай».

⁷ Грепс – так бандеровцы называли зашифрованные письма.

Ночью на кладбище

Иван не сразу написал это заявление. Он понимал, что обращение за помощью в райотдел МГБ – шаг весьма серьезный. Но с некоторых пор в Зеленом Гае стали твориться странные вещи. По селу поползли слухи, будто мертвые, которых страшит нынешняя безбожная жизнь, ровно в полночь встают из могил и плачут от жалости к людям.

– Сама чула, – захлебываясь от обилия впечатлений, рассказывала баба Кылына. – Иду от кумы мимо кладбища, ничь темная, хоч очи выколы, а воно як заплаче, як закрыть, та так жалибно, що я и сама б заплакала, тильки злякалась дуже...

Баба Кылына, хроменькая, подвижная, истово крестилась, надвигала на глаза черный платок, хромала от хаты к хате, нашептывала деревенским кумушкам слухи о необычном «голосе» мертвых. Слушали ее с любопытством, но без особого доверия: может, у кумы причастилась, вот и попутала нечистая сила. Крепко любила выпить баба Кылына.

Однако события развивались стремительно. Через несколько дней «воно» опять вопило на кладбище что-то жалобное – разобрать трудно, – и слышали эти крики уже несколько человек.

– Забыли Бога, в клуб шляются, в колхоз заявы пышуть – вот и подают мертвые нам знак, что настанет скоро конец света, – нашептывала баба Кылына, хромая от хаты к хате. Поскольку она первой услышала голос «мертвых», стала и главной толковательницей.

И самое удивительное – слушали ее теперь без насмешки. Да и как не слушать, если, почитай, через ночь над притихшим, закрывшимся на все крючки и запоры селом разносятся то стоны, то плач, а то и что-то такое, в чем нетрудно уловить угрозу забывшим о боге.

Надийка собрала комсомольцев, надо что-то делать, нельзя же сидеть сложа руки и смотреть, как ползут по селу слухи. И так уже горластые деревенские мамы кричат на дочерей: «Чтоб ноги твоей в клубе не было!.. А то я тебя дрючком!»

– И откуда эта нечистая сила на нашу голову свалилась? – сокрушалась Надийка. – Так хорошо все началось...

– Ясно откуда, – сказал Нечай, – из леса...

– Что будем делать, хлопцы?

– Ловить, больше ничего не остается.

На том и порешили. Нечай, Надийка и Степан Костюк разработали план поимки беспокойных «мертвецов»: окружить кладбище кольцом и, как только стемнеет, медленно, осторожно продвигаться к его центру – именно оттуда чаще всего доносятся вопли.

– Оружие проверьте, – напутствовал Нечай, – а то сдается мне, нечистая сила эта с... автоматом.

– Женский же голос, – засомневался Лесь.

– Кричит женщина, но это еще ничего не значит. Мы ведь не знаем, одна ли она разглагольствует по ночам, да и откуда приходит – тоже не знаем. Но ради шуток этого никто делать не станет, от таких шуточек не до смеха. Провокация бандитская, на суевериях бандеры капитал пытаются заработать! – закончил убежденно Нечай. Он предупредил, чтобы о предстоящей засаде на кладбище ничего не говорили Марии.

– Это почему же? – удивилась Надийка.

– Не верю я учительнице: чужачка она, и мы для нее чужие.

– Опять за свое, Нечай? И въедливый же ты! Весь мир готов подозревать, – неожиданно повторила она слова Марии.

– Весь не весь, а целоваться с первым встречным не буду.

– А как же, жди, захочет Мария Григорьевна с тобой целоваться.

– Отставить шуточки, – непримиримо сказал Нечай. – Не хочешь понять что к чему, тогда приказываю не посвящать Шевчук в операцию. Как командир истребительного отряда приказываю!

– Ну, подожди, Нечай, – всерьез рассердилась Надийка, – буду на бюро райкома, там поговорим!

Кладбище не то чтобы в центре села, но и не на окраине. Небольшое, обнесенное низеньким штакетником, обкопанное рвом, а по насыпи курчавится декоративный клен, разросшийся в сплошную зеленую изгородь. В центре заброшенная часовенка, от нее в разные стороны расходятся лучами аллеи. Возле могил деревья – черемуха, пахучий жасмин, они тоже разрослись на радость живым и безвредно для покойников.

Поздним вечером ребята из истребительного отряда оцепили кладбище. Важно было, чтобы их не заметили раньше, до начала операции, иначе все сорвется. Поэтому Нечай, заблаговременно расположив «ястребков», приказал им не двигаться и только к полуночи по его сигналу начинать операцию.

Медленно тянулось время. Чернели в темноте кресты, пахла сильно и густо за могильными оградками маттиола, было тихо. Нечай прокричал совой, и комсомольцы двинулись к центру, сужая кольцо, только полоса метров в сто осталась свободной, и вела она прямо к лесу. На окраине леса с частью «ястребков» залег Степан Костюк. Небольшая хитрость, а нужная: решили комсомольцы обязательно дожидаться, пока не понесется над кладбищем тоскливый плач, и схватить «нечистую силу» на месте преступления. Как всегда, спутницей Леся была Надийка.

Давно перевалило за полночь. Все было спокойно, равнодушно чернели кресты, пошел дождь, мелкий, надоедливый, ребята промокли до нитки – даже густой кустарник не спас. Нечай уже подумывал, что облава провалилась: или узнали каким-то образом о засаде, или у «нечистой силы» сегодня был выходной. Только собрался скомандовать отбой, как вдали на тропинке мелькнула чья-то тень. «Есть», – обрадованно подумал Нечай и приподнялся, стараясь получше разглядеть, кто идет. Разобрать было трудно. Нечаю показалось, что тень одета в саван – она белым пятном выделялась на фоне густо подкрашенной ночной тушью зелени. «Девушка, – догадался он, – в белом платье».

Неизвестная поравнялась с часовенкой, скрылась за нею, и в то же время над кладбищем раздался протяжный, тоскливый крик. И хотя его ждали, был он внезапен и жуток, пронзительно резал темноту, бил по напряженным до предела нервам, и звучала в нем злоба – к небу, к земле, к тем, кто спит под соломенными крышами Зеленого Гая. У Нечая мурашки побежали по спине. Он пересилил себя, вскочил и первым бросился к часовне. А со всех сторон уже бежали хлопцы, перепрыгивая через могилы, натываясь на кресты. Кладбище ожило, наполнилось шумом, топотом ног – скрываться было бесполезно – той, у часовни, никуда не уйти. Да она и не пыталась бежать, только вскрикнула, когда вязали руки.

– Попалась, пташка, – радостно сказал Нечай. – А ну, глянем, какая есть на вид «нечистая сила».

Луч фонарика расплосковал темноту, уперся в лицо пленнице. Она зажмурилась, прикрыла глаза руками, а когда отняла их – комсомольцы остолбенели от удивления: поймали они Марию Григорьевну Шевчук! Учительница испуганно и жалобно сказала:

– Разве ж можно так пугать, хлопцы? Да еще на кладбище – и в могилу загнать недолго...

– Как вы сюда попали, Мария Григорьевна? – настороженно спросила Надийка.

– Я... – замялась Мария, – была на хуторах у родителей своих учеников, да заплуталась, сбилась с дороги в темноте, еле добралась до Зеленого Гая.

– И вас отпустили одну, ночью?

– Вышла засветло, а беспокоить людей не хотелось.

– Извините нас, Мария Григорьевна, – нарочито спокойным голосом сказал Нечай. – Ошиблись мы. Слышали ведь крик?

– Да, конечно. Совсем рядом где-то – я прямо оцепенела...

– Сбежала «нечистая сила», воспользовалась тем, что мы вас ловим, и под шумок смылась.

...На следующее утро Нечай уехал в район. Он больше не сомневался, что учительница Шевчук не та, за кого себя выдает. Возвратился инструктор райкома комсомола к вечеру. Вместе с ним приехал инспектор райфинотдела, веселый, разбитной парень.

«Принято решение ликвидировать Нечая. Приказываю под любыми предлогами заманить его к старому памятнику панским музыкантам. Операция назначена на завтрашний вечер. Можешь пригласить на свидание или сказать, что собираешься сообщить важные сведения. У памятника надо быть не раньше десяти. Там его встретят наши. Если не удастся, сообщи, когда будет комсомольское собрание, и добейся, чтобы после него Нечай пошел тебя провожать. Стась».

«Выполнить приказ отказываюсь. После засады на кладбище меня подозревают. Не исключено, что об этом знают чекисты. В таких условиях ликвидация инструктора райкома вызовет обыск, а возможно, и арест. Я окончательно попаду под подозрение. Зоряна».

Песня Мыколы Максиса

Мария ходила по близким и дальним селам, хуторам. Не так часто, чтобы особенно привлекать внимание, но и не редко. От села к селу дорога. А есть еще и тропинки. Они вертятся по озими вокруг прудов, выются по закраинам лесов. Тропинки протаптывали проворные девчата, быстроногая детвора. У каждого крестьянина в окрестных селлах родственники, сватья, кумовья. Этими ниточками связаны между собой селянские хаты крепко, хотя степень родства помнят только старые бабки. Недаром шутят: от родственника к родственнику всю Украину пройти можно. Отсюда и тропинки.

Учительницу в окрестных селлах знали. Оттуда ходили в зеленогайскую школу ребятишки – одна она на этот дальний угол района. Встречали девушку приветливо. Усаживали за стол, ставили парное молоко, вслух удивлялись: такая молодая, а уже других учит. Мария рассказывала: «Ваш Петрусь очень старательный хлопчик...» Потом доставала толстую тетрадь, начинала расспрашивать сама, не знает ли кто старых песен народных, пословиц, поговорок? Хозяйка помоложе задумчиво чесала затылки: «Как-то не прислушивались...» Потом кто-нибудь обязательно вспоминал, что в соседней хате живет дед Панас, много он на веку всего перевидал и байки рассказывать горазд. Торжественно приводили деда. Тот, гордый всеобщим вниманием, охотно и щедро извлекал из памяти одну сказку за другой.

Смеются все дедовым байкам. Удивляются, что учительница так старательно, слово в слово, записывает их в тетрадь. Снисходительно улыбаются мужики: мало ли какие причуды у образованных! Им не вскакивать до рассвета, не спешить на поле...

Идет учительница от одного гостеприимного дома к другому. Все больше и больше записей у нее в тетради. Песен, народных дум, сказаний. Поздно возвращается домой. А то и вовсе заночует в дальнем хуторе, если уроки на следующий день позволяют. Привыкли люди к тому, что Мария Григорьевна за хорошей песней десятки километров пройдет. Комсомольцы предупреждают: «Мария, осторожнее, охотится за такими, как ты, Стафийчук». Мария улыбается, вежливо отвечает: «Пока все обходится и дальше обойдется».

Однажды встретил ее Нечай. Поздоровались. Мария первой протянула руку, пожурила:

– Не заходишь, хлопче, в гости, совсем забыл...

– Боюсь: приду и не уйду, – неловко отшутился Нечай.

Поинтересовался инструктор райкома комсомола, что за песни и сказки собирает учительница. Протянула Мария тетрадь. Иван прочитал: «Когда-то в стародавние времена ездил один мужик на панских лошадях с фурами всюду – пану деньги зарабатывал. Немало всяких чудес этот человек повидал...»

– Все ли, что собрано в тетрадке, относится к таким древним временам?

Учительница обидчиво поджала губы.

– Это фольклор, золотая нить языка нашего.

Нечай упрямо наклонил голову, глянул исподлобья. Привычка такая у комсомольского инструктора: смотреть на тех, кто ему не нравится, строговато, сдвинув брови на переносицу.

– Знаю я цену народной мудрости, мать эти песни пела, бабка эти байки сказывала. Но сейчас и другое поют в наших селлах.

И неожиданно тихо запел:

Ой, фашисты чи бандеры —
Одна сатанына.
Ой, колы б их та забрала
Лыхая година!

Голос у парня звонкий, чуть хриловатый, застуженный ветрами, а хозяину послушный. Посерьезнел вдруг Иван:

– А вот эту молодежь особенно любит:

Бандеривськи ботокуды,
Що вы наробылы?
Комсомольця молодого
Безневинно вбылы.
Буйный витер ваши кости
Погани розвие,
А забуты комсомольця
Нихто не посмие.

Вот какие песни сегодня поют! И хоть написаны они недавно – это тоже фольклор: в них гнев и ненависть народа! Знаете, кто автор, например, той, которую я пел?

Мария Григорьевна качнула головой, она торопливо, пристроив тетрадь на колено, записывала.

– Сложил ее комсомолец Мыкола Максис, волынчук. Восемнадцать лет было хлопцу, когда встретил свою смерть. А посвятил песню Мыкола двум комсомолкам, зверски замученным бандеровцами. Погиб хлопец от бандитской пули, а песня его борется...

Знал бы Нечай, откуда идет учительница – по-другому бы разговаривал. Была Мария на лесном хуторе, что затерялся в такой чащобе – и пройти трудно. В 1935 году появился в этих местах новый человек, Тарас Скиба. За большие деньги купил кусок леса. Батрацкие руки вырубили деревья, выкорчевали пни, кустарник, и эти же руки подняли землю, бросили в нее зерно, поставили дом-крепость и огородили его тыном выше человеческого роста. Редко ходит хозяин дома Тарас в соседние села. Растет у Тараса Скибы дочь-красавица. Вдвоем живут они на хуторе, мать девушки умерла еще в войну, как-то внезапно и тихо.

Когда Мария подошла к дому Скибы, казалось, все подворье вымерло. Только псы-цепняки остервенело прыгали на забор. Наконец вышел хозяин. Хмуро осмотрел девушку, спросил, чего надо.

– Мне бы воды напиться, парит очень, – просительно проговорила Мария.

Скиба молча указал на колодец с притороченным к цепи ведром. Мария пила студеною воду, чувствуя на себе пристальный взгляд хозяина. Тот не уходил, что-то выжидая. Мария выпрямилась и спросила:

– Не знаете ли присказок народных?

– Кое-что знаю, – ответил неприветливо Скиба. – Ну вот хотя бы эту: «Ты лошадь поил?» – «Поил». – Скиба задумался, потом проворчал: – А дальше забыл. Может, вы помните?

– Вроде бы помню: «А чего ж у нее морда сухая?» – «До воды не достала».

Обмен пароллями состоялся. Хозяина будто подменили.

– Проходите в комнаты, – гостеприимно пригласил он.

В светлице вымытый до желтизны пол, герань на окнах, огромный фикус в кадке, занявший угол, патефон на тумбочке, прикрытый кисейной накидкой, иконы в вышитых рушниках, сулея самогонки на столе. За столом – трое.

– Слава героям! – сказала Зорина.

– Героям слава! – откликнулись те, за столом.

Приказано взять живым

Фининспектор, приехавший вместе с Нечаем, оказался веселым, общительным парнем. Он недолюбливал акты и налоговые ведомости – просидел над ними вечер в сельсовете и на этом закончил ревизию. Но покидать Зеленый Гай не торопился. Перезнакомился с хлопцами, девушками. Был он человеком начитанным, рассказывал о больших городах, где ему довелось побывать. Однажды заговорили о том, кто кем станет, когда наладится жизнь, окрепнет колхоз.

– Поеду я в Киев, выучусь на инженера, – размечтался Лесь.

– А чего? – поддержали его хлопцы. – У тебя к машинам талант.

– Заканчивай школу да подавайся в институт механизации сельского хозяйства, – посоветовал фининспектор. – Вернешься потом в село, будешь механиком.

– Мало у нас машин. На весь колхоз одна...

– Потому что колхоз небольшой. Вот вступят в него все селяне – на широкие поля много машин понадобится...

– К этому дело идет, – согласились хлопцы. – Давно б колхоз окреп, если б не бандеры проклятые...

Желтоватыми огоньками рдеют в темноте сигарки. Неторопливо идет разговор. Девчата тихо-тихо запели песню, хлопцы заслушались. Хороший вечер, тихий, и песня для души радость.

– Славный у тебя голосок, – похвалил фининспектор Надийку. – А ты кем станешь, дивчино?

– Учительницей... как Мария Григорьевна...

– Кстати, что-то ее сегодня не видно, – поинтересовался Нечай. – Не случилось ли чего?

Надийка ревниво передернула плечиком, сказала очень равнодушно, так равнодушно, что все на это обратили внимание:

– Ушла учительница в Долиновку. Говорила, там один старый много песен знает. Может, и заночевала где...

Нечай и фининспектор незаметно переглянулись. Посидели еще, поговорили. А когда луна выкатилась из-за дальнего леса, Нечай шепнул стоявшему рядом с ним Лесю:

– Тревога... Сбор «ястребков» с оружием через час у старой вербы около пруда. Передай другим. И чтобы тихо...

Фининспектор первым встал с дубков.

– Пора, хлопцы. Завтра опять за акты с утра садиться.

– И нам пора, – откликнулся Лесь.

А через час Иван Нечай представлял «фининспектора» комсомольцам истребительного отряда: «Лейтенант Василь Малеванный».

Лейтенант рассказал, что по полученным сведениям в старой мельнице находится контактный пункт националистов. Днем к мельнице никто не ходит – проверили. Значит, ночью... Задача «ястребков» – перехватить связника. Брать живым.

Лейтенант проверил оружие, распределил посты, договорился о сигналах. Комсомольцы по двое исчезали в темноте, кольцом охватывали мельницу, перекрывали засадами оба конца гребли. Василь с Нечаем забрались под куст верболоза у самого водяного колеса. Поодаль укрылись Лесь и Надийка. Девушка уверенно держала раздобытый Нечаем в райотделе милиции кавалерийский карабин – слишком велика обычная трехлинейка для девичьих рук.

Долго лежали в темноте. Дурманяще пахли травы, тихо пробивалась из-под шлюзовых щитов вода. На озере глухо шлепали широкими хвостами-лопастями разгулявшиеся карпы. В селе гасли окна.

Лесь лежал совсем рядом с Надийкой, она чувствовала теплоту его тела. Парень наклонился, чуть слышно прошептал:

– Гарно, правда?

Надийка предупредительно покачала головой: не отвлекайся, Лесь, слушай...

Невдалеке трижды ухнул пугач. Сигнал: рядом чужой. Надийка поудобнее перехватила карабин.

Бандеровец шел по берегу ручья, через луг, откуда его совсем не ожидали, потому что ближайший путь к мельнице от леса – через греблю, прямо у которой начиналась аллея столетних ясеней. Шел мягким, неслышным шагом, пригибаясь, держа наготове автомат.

Гнат Дзюба, пятнадцатилетний хлопчина, только вступивший в комсомол (берегли его «ястребки» и, как казалось всем, поставили в самое безопасное место), следуя приказу, беспрепятственно пропустил бандеровца к мельнице. Миновал связник и Олеся с Надийкой. Совсем рядом прошел, метрах в двадцати. Приблизился к вербе, раскинувшей ветви над ручьем, и затаился в ее тени, неподвижный. И тут явственно услышали легкий звон металла. Это Гнат не утерпел, стало ему обидно, что самое главное произойдет без него. Пополз он за бандитом да зацепился за что-то винтовкой.

– Бросай зброю! – сразу же крикнул бандиту Малеванный.

Бандеровец прыгнул в сторону, автоматная очередь выбила щепки из старого, почерневшего сруба мельницы. Так получилось, что лейтенант оказался в очень невыгодном положении – сорок метров земли, насквозь пробиваемых автоматом бандита. Василь ожесточенно рвался через эти метры под прикрытием Нечая и других ребят. Хлопцы стреляли расчетливо, пули впивались в вербу, но бандеровца не трогали – был приказ взять живым. Связник, пригибаясь, побежал к ручью: там трава по пояс, а еще дальше – лес.

Навстречу поднялся Лесь. С винтовкой наперевес он в несколько прыжков очутился рядом с бандитом. Тот на бегу вскинул автомат.

Упал Лесь, срубленный очередью.

Бандит сорвал с пояса гранату, все еще надеясь пробить дорогу. Вырвал кольцо, взмахнул рукой. Его опередила Надийка. Выстрел почти слился со взрывом гранаты, которую ослабевшая рука не бросила – оттолкнула на несколько метров.

И сразу стало тихо.

Хлопцы подняли Леся, вынесли на греблю. Лицо парня не потеряло напряжения последней минуты жизни; казалось, скомандуй – снова поднимется комсомолец навстречу бандитскому автомату.

Погиб комсомолец. Погиб боец...

Его и похоронят в этой земле. На вышитых руками старенькой няньки рушниках опустят гроб. Бросят по обычаю комочки земли – «любил он тебя – будь ему пухом», – и все село пройдет мимо свежего холмика с пятиконечной звездой.

...Бандитского связника тщательно обыскали. Ничего не нашли. Видно, спрятана была «почта», как это часто делали бандеровские связники, в металлической рубашке гранаты. Взрыв унес тайну.

Визит вежливости

В свои двадцать четыре года лейтенант Малеванный успел побывать и на фронте и во многих боях с бандами бандеровцев. В него не раз стреляли, было и так, что, казалось, судьба отсчитывает лейтенанту последние секунды. И все-таки он возвращался с задания невредимым, докладывал начальнику райотдела: «Товарищ майор, ваше приказание выполнено...»

Товарищи по работе утверждали, что Малеванному отчаянно везет: родился, мол, в сорочке или какая-то дивчина каждый вечер за него бога просит. «Дай бог здоровья той дивчине, – отшучивался лейтенант, – знал бы котра – женился...» А сам относился к своей «везучести» более прозаически. Говорил:

– Вот, понимаете, вчера думал – конец, отгулял свое по земле. Сообщили, что на хуторке одном собираются на вечерницы гости из леса: агитировать молодежь. Ну и я, конечно, туда же. Иду по хутору, псы с цепи рвутся, лай стоит до неба. Они, эти сволочные дворняги, меня и демаскировали. Пока до хаты, где на посиделки собралась молодежь, дошел, там уже два бандита приготовились меня с автоматами встретить: растолкали всех по углам, один стал у двери, второй у окна. Хлопцы местные под стенками жмутся, а что могут сделать голыми руками? Те, лесовики, орут: «Кто тут комсомольцы, выходи!» А там был Володя Сиротюк, только в комсомол вступил. Стал Володя против бандита, тоже кричит: «Я комсомолец! Вы мого тэта вбылы, стреляй, вражина, и в мене!» Вот тут я и подоспел. Рванул дверь и с порога одного уложил из пистолета. А второй мне автомат в грудь упер, пальцем шевелит на спусковом крючке – все. И тогда Володька ему под ноги ка-ак кинется – ушла автоматная очередь в потолок. Вот так, а вы говорите: везет. Просто помощников много, друзей, вот и не страшен никакой черт лесной – выручат. Почти в каждом селе истребительные отряды созданы...

Малеванного знали во многих селах и любили за веселый характер, смелость, за то, что шел по жизни не угрюмо, как можно было бы предположить ввиду выполняемой им работы, а открыто и приветливо. Однажды, это было в сорок четвертом, сразу после освобождения области от гитлеровцев, Малеванный долго гонялся по лесам за бандой сотника Яра. Собственно, от этой банды осталось одно охвостье. Кого выбили, кто сбежал из леса при первой же возможности. Но уцелели наиболее оголтелые. О таких говорят: веревка по ним давно плачет. Яр отличался неимоверной жестокостью. Он внезапно налетал на беззащитные хутора, вырезал взрослых и детей, уводил активистов в лес на расправу. Малеванный со своей группой как-то оказался в небольшом селе сразу же после того, как там побывал Яр. Дымились, догорали хаты. На широкой деревенской улице рядом лежали несколько человек. У одного, пожилого седоусого крестьянина, в груди торчал плоский немецкий штык, вместо лица – кровавая каша. «Председатель сельсовета, – сказал кто-то из уцелевших жителей. – А вот там его дочка...» Молоденькая девушка, казалось, обняла ствол яблони, прижалась к нему щекой. Малеванный подошел ближе. Бандиты пришили девушку к дереву большими гвоздями. Тут же лежал комсомольский билет девушки – страницы его слиплись от крови.

Малеванный в ту ночь загнал Яра в лесную балку. Ночь была душная, по краям темного неба беззвучно полыхали зарницы – бандиты залегли за деревьями, и выкурить оттуда их было трудно. Они отчаянно отстреливались. Лейтенант приказал солдатам подойти вплотную и забрасывать гранатами. «За ту дивчину, – сказал им Малеванный. – И чтобы ни один не ушел...» А потом встал во весь рост и подошел к темному обрыву.

– Слухай, Яр! – крикнул лейтенант в темноту. – Це я, Мальований. Чи знаеш такого?

– Знаю, пес московський, – откликнулся Яр. – Бережу для тебе пулю!

– Сообщаю, что народным судом за преступления против советской власти тебе вынесен смертный приговор. Приговор приведу в исполнение лично. Сегодня! – сказал, будто вколотил гвоздь в доску.

Был короткий бой, когда пламя от гранатных взрывов вплелось в отблеск зарниц и глухо стучали автоматы.

– Хлопцы! – крикнул своим Малеванный. – Не трогайте Яра, хочу глянуть тому псу в глаза!

Они встретились на дне балки, лицом к лицу, и Яр бросился бежать из западни.

– Да умри ж хоть по-человечески! – закричал лейтенант. – Повернись лицом к смерти!

Еще долго потом, стоило закрыть глаза, виделась лейтенанту девушка, обнявшая яблоню...

Ненависть к бандитам пластовалась у Малеванного день за днем, она была как завещание той дивчины: если ты мужчина – отомсти. Поэтому и не щадил себя, лез в самое пекло. Как-то сказал Нечай:

– Понимаешь, Иванку, одна у меня мечта: дожить до того дня, когда выполем всю эту мерзость. Навсегда.

Но эта ненависть со временем не превратилась в злобу. Она не ослепляла, а была осознанной и целенаправленной, помогала бороться.

Лейтенант Малеванный и Нечай вскоре после похорон Леся зашли будто ненароком к Марии. Учительница их не ждала, но встретила приветливо. Она все еще находилась под впечатлением гибели комсомольца и печально повторяла:

– Какой ужас!.. Молодой хлопец, ему бы жить и жить...

Нечай до боли в сердце хотелось крикнуть этой лицемерке: «Из-за тебя погиб Лесь! К тебе на связь шел бандит!»

С трудом сдержал себя, отвел глаза, чтоб не выдали, подошел к книжной полке. Книг было немного: школьные учебники, Иван Франко, Коцюбинский, Леся Украинка. Ивану показалось, что среди них он узнал ту, с которой ходила учительница к мельнице: томик стихов Тараса Шевченко! Полистал. В глаза бросилось – местами не хватало страниц, были они вырваны, что называется, с мясом. Иван в недоумении уставился на учительницу. Значит, она и вправду рвала тогда страницы из книги? Не записку, не письмо? Мария перехватила его взгляд, не дожидаясь вопроса, дружелюбно спросила:

– Любите Тараса Шевченко? Могу дать почитать. Там, правда, нет нескольких страниц. Дурная привычка, когда задумаюсь, мну и рву все, что ни попадет под руку, – вот и испортила книгу.

Объяснение звучало вполне естественно и правдоподобно.

Малеванный объяснил цель прихода:

– Много слышал о вас от молодежи, а до сих пор не познакомился. Неудобно как-то.

– Очень рада, что зашли на огонек. Значит, будет у меня вечер не такой скучный, как все.

– Да, веселья у нас немного. Я вот с ревизиями во многие села езжу, а в такую глухомань попадаю впервые.

– Не говорите, – согласилась Мария, – одно спасение – работа, не то закисло бы. Люди, правда, здесь хорошие живут. А сколько песен знают, только диву даешься!

«Ишь ты, заливаешься, – неприязненно думал Нечай, – голову в заклад даю, вертит хвостом».

Вчера Нечай предложил сделать у Марии обыск. С гибелью связника все ниточки к тайнику были порваны, и только тот, кому предназначалась «почта», мог приоткрыть его тайну. Что таким человеком была Мария, Нечай не сомневался. Иначе б не ходила к мельнице через день-два.

Малеванный не согласился. Он изложил свои доводы. Что даст обыск? Практически ничего. После боя с бандитом те, к кому он шел, насторожены, наверняка уничтожили все улики. Схватить их за руку не удастся. Какие подозрения против учительницы? Прогулки к мельнице? Ну и что? Разве не может она гулять, где вздумается? Если Мария Шевчук действи-

тельно связана с бандеровцами, она рано или поздно не только себя – других выдаст. О том, кто на самом деле Малеванный, знают лишь «ястребки». Они предупреждены, болтать не станут. Фининспектор – парень молодой, почему бы ему не заинтересоваться красивой девушкой. Вот и можно для первого знакомства сходить к Марии Григорьевне в гости.

– Ты понимаешь, горячая твоя головушка, – убеждал Василь Нечая, – какой шум произведет обыск у учительницы? Все село о нем узнает – ей после этого здесь не жить. А если она не виновата? Мало ли случайных совпадений бывает! Кстати, мы проверили: в ту ночь, когда вы засаду устроили на кладбище, Марию Григорьевну действительно видели на дальних хуторах.

Нечай вынужден был признать соображения Малеванного существенными. Он вновь и вновь вспоминал встречи и разговоры с учительницей – обычная девушка, может быть, несколько изнеженная для здешних мест. Нечай попытался поставить себя на ее место: чужое село, малознакомые люди, маленькая комнатуха, в которую рано вкрадываются сумерки, одинокие вечера. И, наверное, страх – напугана разговорами о зверствах бандеровцев. Недавно приехала, а уже слышала выстрел в Данилу, была на похоронах Леся... «Слишком подозрительным становлюсь, – ругнул себя Нечай. – И правда, плохой это союзник – неверие в людей».

Марию – Зорину встревожило посещение Малеванного и Нечая. Где, в какой мелочи ошиблась? На хуторе Скибы ее никто не видел – это точно. Не было за нею слежки и в другое время – проверяла. На особенно ответственные встречи ее сопровождал Остап, тот самый, что приходил как-то ночью в эту комнату; кличка – Блакытный. У Остапа была тройная задача: оберегать Марию от своих и от чужих – мало ли в какую оказию она могла попасть на лесных дорожках; тщательно следить за каждым шагом курьера; служить «визитной карточкой» Зорины во время переговоров с вожаками националистических бандитских группок. Некоторые проводники не очень доверяли паролем, предпочитали старый, проверенный способ опознавания: среди пришедших должен быть человек, которого они или кто-либо из их приближенных знали бы лично. Остап Блакытный, уроженец этих мест, был известен многим.

Обычно он шел в стороне, за сотню шагов от учительницы, редко выходил на тропинки и дороги. Зорина почти никогда не видела, где он в данную минуту. В одном была уверена: стоит позвать, как бандеровец мгновенно окажется тут как тут. Нет, Остап обязательно заметил бы слежку, если бы прицепился «хвост». Тогда где же ошибка?

Обо всем этом думала учительница, оставаясь радушной хозяйкой, обмениваясь шутками с Малеванным и Нечаем. Мария искренне жаловалась на трудности в школе, рассказывала о забавных сценках во время посещения сел.

Малеванный между тем внимательно осматривал комнату, прикидывая, где бы мог находиться тайник. Но в глаза бросались второстепенные детали: гвозди для одежды, неумело забитые женской рукой, спицы для вязания, резиновые сапоги, забрызганные грязью. Взгляд остановился на неплотно пригнутой половице. Василь прошелся по комнате – половица скрипнула. Мария равнодушно сказала:

– Беда с полом, рассохся, трещит...

– Сейчас посмотрим, что можно сделать.

– Нет, что вы, не надо. Я уже договорилась с плотником, завтра придет, починит... –

Мария подошла к лейтенанту, и доска, на которую она ступила, скрипнула опять.

Теперь Василь не мог поднять половицу, для этого пришлось бы просить хозяйку отойти в сторону.

– Кстати, – сказала Мария, – не нашли тех, к кому шел бандит, убивший Леся?

– А ты откуда знаешь, что это был связник? – быстро, вопросом на вопрос, откликнулся Нечай.

– Люди говорят...

– Пусть их ищут те, кому положено.

Мария подошла к столу, переложила стопку тетрадей так, что стала видна фотография в причудливой рамке. Лейтенант внимательно всмотрелся в нее: средних лет мужчина, жилистая шея, равнодушные глаза.

– Кто это?

– Так, знакомый...

– Видно, хороший мастер снимал – отличная работа. Не знаете, в какой мастерской?

– Посмотрите, там, кажется, написано.

Лейтенант отодвинул крышку. На белом фоне четкая надпись золотой вязью: «Фотоателье Ф. И. Возного». У владельца ателье от частого употребления испортился штамп – буква «Ф» стерлась и едва просматривалась.

– Буду во Львове, обязательно сфотографируюсь у этого Возного.

– Вряд ли удастся. Насколько я знаю, пан Возный уже давно закрыл свою мастерскую...

Когда Василь и Нечай возвращались от учительницы, инструктор райкома комсомола возбужденно говорил:

– Ну и штучка, эта Мария! Видел? Хитрая какая, словами сыплет, а ухватиться не за что.

– Дивчина как дивчина, – равнодушно ответил ему Василь. – Красивая – вот это верно.

Нечай недовольно насупился.

Влада – лесная королевна

Стафийчук отдал приказ банде на время прекратить активные действия. Необходимо было затаиться, накопить силы для операции «Гром и пепел». Изредка приходили в банду связники из окрестных сел, сообщали, что в округе спокойно, вот только комсомольцы собирают вокруг себя молодежь, «работать» стало трудно, знают они всех и вся.

Комсомольцы Зеленого Гая действительно времени даром не теряли, использовали затишье для подготовки к новым схваткам. Неутомимый Нечай почти каждый день проводил с хлопцами занятия по строевой подготовке. На пустыре за сельской околицей был оборудован тир, оттуда часто раздавались выстрелы. Отряд разросся – демобилизованные из армии солдаты возвращались по домам. Особенно обрадовался Нечай, когда почти одновременно прибыли два брата-близнеца Гаевые, сержанты Роман и Петро. Братья были друзьями Нечая еще по школьным годам, вместе воевали в партизанском отряде, а когда пришла Советская армия – им едва исполнилось семнадцать, – попросились добровольцами на фронт, добивали фашистов где-то в Германии. Они явились в Зеленый Гай в полной форме, с орденами и медалями на гимнастерках, быстро разобрались в обстановке и уже на третий день пришли к Нечаю – принимай в отряд. Иван назначил их командирами отделений, и братья, привычно вскинув винтовки на плечи, принялись обучать «салажат». Они гоняли хлопцев до седьмого пота, учили хитрой тактике засад, отражению внезапных атак, стремительным ночным маршам, ориентировке в лесу – кто знает солдатскую науку лучше сержантов?

– Ну, бандерам крышка, – удовлетворенно сказал как-то Нечай. – Легко им было убивать старых да малых, пока хлопцы на фронтах сражались, теперь же мы – сила.

Комиссаром отряда стала Надийка. После смерти Леся она очень изменилась – посуровела, редко пела песни, почти все свободное время отдавала комсомольской работе. Часто беседовала с хлопцами и девушками, сообщала им газетные новости, помогала и делом: одного убедила в колхоз вступить, другому помогла вместе с комсомольцами новую хату поставить, добилась, чтобы открыли в Зеленом Гае вечерний пятый класс, сама ходила по домам, убеждала родителей не препятствовать детям, которые к знаниям тянутся. Вот из таких встреч, бесед, забот и слагалась ее комсомольская работа. Девушка не расставалась с пистолетом, да и комсомольцы берегли своего секретаря. Она сперва не замечала той негласной охраны, которая сопровождала ее повсюду, – просто собирается идти к родственникам в соседнее село, и обязательно, оказывается, кому-нибудь по дороге с нею. А когда узнала, рассердилась:

– Что я, хлопцы, маленькая?

– В том-то и дело, что не маленькая – очень уж заметная, большой человек, – пошутил Нечай.

Себя же Нечай не берег. Он часто навещался в дальние хутора, куда еще только вторгалось новое, немало там было хлопцев и девчат в батраках у лесных хозяйчиков. Обездоленные войной, отрезанные от людей зеленым морем леса, ребята гнули спины на какого-нибудь «благодетеля» за кусок хлеба, за новые сапоги к Рождеству.

Нечай находил с ними общий язык, часто навещал то одного, то другого. А потом какая-нибудь батрачка Марыся шла к секретарю комсомольской организации Надийке Михайлюк с листком бумаги: «Прошу дуже запысаты мэнэ до комсомолу...» Строчки выписаны неровно, коряво, но за ними – целая жизнь, нелегко принятое решение.

Нечай крепко не любил хуторских хозяйчиков и не упускал случая насолить им. А среди батраков у него прибавилось друзей, и с их помощью Иван узнавал о всех подозрительных событиях, происходящих в округе: о том, что баба Кылына самогону много варит, а не продает – куда деваает? Или что Панько одноглазый нагрузил на воз три мешка муки, уехал к вечеру, возвратился без мешков – куда возил, на ночь глядя на базар не ездят? Эти и другие сведения

попадали через комсомольцев к лейтенанту Малеванному, он их изучал, сортировал, принимал свои меры.

Информаторы Стафийчука не обманывали его, когда говорили, что «работать» стало трудно – комсомольцы плотно перекрывали все тропинки к лесу.

Побывал Нечай и на хуторе Скибы. На свое счастье, попал туда, когда хозяина не было дома, а то неизвестно, как бы закончился этот визит – Скиба не любил непрошенных гостей, а болото рядом – мог же Нечай заблудиться и утонуть?

Подходя к хутору, опытный Нечай прихватил толстую суковатую палку. Непривязанные псы, тосковавшие без дела, лениво подняли уши, так же лениво встали, учуяв Ивана. Правда или нет, но говорят, будто собаки инстинктивно перенимают нрав хозяина, и у добрых людей тоже становятся добрыми, а у злых превращаются в бешеных цепняков. Псы тосковали без дела и явно оживились, когда Иван грохнул калиткой. Первым набросился рыжий, весь в клочках линялой шерсти кобель. Он неся стрелой, прижав уши к спине, захлебываясь от бешенства, шагах в двух от Нечая пружинисто оттолкнулся от земли, чтобы с ходу сбить жертву с ног. Иван коротко размахнулся и вытянул рыжего меж ушей так, что тот, перевернувшись в воздухе, мешком с половой шлепнулся на землю, забился в судорогах. Остальные сразу растеряли пыл, завывали, зарычали, но опыт рыжего был настолько впечатляющим, что броситься на Нечая не решился ни один.

– Убил! Убил Полкана! – выскочила на крыльцо из дома высокая, статная девушка. Она, видно, мыла полы: подол юбки высоко подоткнут, в руках тряпка.

– Развели волков! Или людей боитесь? – не сдерживая злости, сказал Нечай. – Не волнуйся, не подохнет твой Полкан. Собаки, они живучие, – насмешливо успокоил он девушку.

– Твое счастье, что на хуторе никого нет...

– Я не вор, мне хозяина бояться нечего. Уйми псов, а то у меня есть кое-что и покрепче палки, – Нечай хлопнул себя по карману.

Девушка посадила собак на цепь, и инструктор райкома отбросил дубинку, подошел поближе.

– Ну, здравствуй, красавица...

– День добрый, – ответила девушка на приветствие, бесцеремонно разглядывая гостя.

Иван тоже исподлобья посмотрел на нее: кто такая? На наймычку вроде не похожа – вид уверенный и властный. Девушка одета была в вышитую блузку, простенькую, для дома. Белокурые косы тяжелым венком лежали на голове. Глаза темные, с чуть приметной раскосинкой, а лицо скуластое – видно, текла в жилах доля горячей южной крови.

– Где глаза такие отхватила? – грубовато пошутил Нечай.

– Нравятся? – кокетливо спросила девушка и сразу же стерла улыбку. – Зачем пришел?

– В гости к тебе! Только встречаешь не больно приветливо, чуть псами не затравила...

– Не мои собаки – отцовы...

«Дочка Скибы, – сообразил Нечай. – Ведь говорили же, что у кулака есть красавица дочь».

– Как зовут?

– Владой.

– Красивое имя, древнее.

– Не моя заслуга. Каким нарекли, то и ношу.

Пока они разговаривали так – полуслушливо, полусерьезно, – Влада обеспокоенно поглядывала на дорогу, что вела к хутору. Время возвращаться отцу, что подумает, когда увидит ее с незнакомым хлопцем? Скиба раз и навсегда запретил дочери приглашать к себе на хутор кого бы то ни было. Редко-редко отпускал ее к крестной матери в соседние Подгайцы. А так для единственной дочери ничего не жалел, щедро покупал наряды, красивые безделушки, потакал ее капризам. Скиба приучил дочку к лесной жизни, привил страсть к охоте, подарил доро-

гую бельгийскую двустволку, и Влада часами бродила по болотам, по лесным чащобам, почти никогда не сталкиваясь с людьми – на север от хутора лесам не было конца-краю. Ведь не считать же людьми бандеровцев, которые забредали к Скибе, яростно глотали вместе с ним самогон, вечно боялись всего, хватались, как дурные, при каждом шорохе за автоматы. Впрочем, когда один из бандитов бесцеремонно облапил Владу, у Скибы кровью налились глаза, и он не сказал – прорычал: «Убью!» Можно было не сомневаться – убьет: хуторянин в гневе был страшен, а силы ему ни у кого не занимать. Скиба любил дочь, не было у него никого, кроме нее. Любил, но не баловал, не раз повторял: «Кто рано встает, тому бог дает». И вставала Влада до зари, работала до ночи – хозяйство у хуторянина было изрядное, – и только иногда к сердцу подступала злая тоска. Подходила тогда к зеркалу, смотрела на себя, думала: «Кому нужна моя краса? И что это за жизнь такая – все тайком, прячась от людей?»

Скиба в мечтах видел свою дочь богатой господаркой, муж у нее первый человек на всю округу, ломают перед Владой шапки за десять шагов. Давно, еще при панах, был он во Львове и видел там вельможных, образованных паненок – такой будет и его Влада. Но для этого надо, чтоб настали другие времена, и тогда старый Скиба покажет, чего он стоит, прижмет окрестную голытьбу, будет хозяином, каких мало в крае. Не с пустыми руками будет начинать – кое-что скопил, припрятал.

Вот о чем мечтал сумрачными вечерами хуторянин Скиба, намекал о своих планах дочери, а та лишь тяжело вздыхала: «Жизнь проходит, тато. Я ведь и сейчас могла бы учиться – никто не мешает». – «Не при Советах!» – вскипал Скиба. «А что вам плохого сделали Советы?» – дочка в упрямстве не уступала отцу. «Руки мне сковали своими законами. Последнее отберут – босякам да лодырям раздадут». Скиба тупо смотрел в окно. Что отберут – так это точно. Стафийчук про то не раз говорил. Отобрали же у других зажиточных хозяев, а до него просто пока не добрались, не успели – живет на отшибе, в лесу. И уже примеривался Скиба, как будет стрелять из автомата в тех, кто придет отнимать у него добро...

Не знал всего этого Нечай, когда встретился с Владой, как не знал и того, что случайно забрел в осиное гнездо.

– А ты ведь себя не назвал, хлопче, – вдруг сказала Влада. – Нехорошо так: мое имя выпытал, свое не сказал, – мягко выговорила она.

– Зовут меня Иваном. Иван Нечай, – протянул руку инструктор райкома.

– Нечай... Нечай... – Влада вспоминала, где она слышала эту фамилию. Кажется, ее с проклятиями упоминал Стафийчук в разговоре с отцом. Ну конечно же Стась грозился добраться до вожака комсомольцев Нечая. Она еще тогда подумала, что, наверное, смелый хлопчина этот Нечай, раз таким, как Стась, поперек дороги становится. И сейчас с любопытством посмотрела на Ивана. – Ты в комсомоле работаешь?

– Да, – удивился Нечай. – А ты откуда знаешь?

Странная девушка: по виду не скажешь, что из пугливых, а все время озирается, нервничает – на щеках вспыхивает и исчезает румянец, руки теребят передник.

– Ты как сюда попал?

– С дороги сбился. Шел в Зеленый Гай и заблудился.

– Добрый же тебе круг пришлось сделать...

– И то, уж думал, не выберусь...

– Сейчас я тебя на стежку выведу...

Влада сбегала в дом и быстренько возвратилась в сапожках, на плечах платок. Девушка очень волновалась и не скрывала этого. И когда Нечай спросил, что ее тревожит, она вместо ответа ускорила шаг и, только уйдя на порядочное расстояние от хутора, облегченно вздохнула.

– Вот эта стежка и выведет тебя на дорогу к селу.

Нечай искренне поблагодарил:

– Дякую, дивчино. Увижу ли тебя еще?

– А хочешь? – дрогнувшим голосом спросила Влада.

– Так какому ж хлопцу не захочется с такой красавицей встретиться? – В глазах у Ивана запрыгали лукавые искорки. – Приходи к нам в клуб.

– В Зеленый Гай мне дорога заказана, – печально ответила Влада. И вдруг предложила: – А знаешь, приходи ты в воскресенье к Змеиному болоту. Найдешь? Буду ждать...

«Срочно сообщите обстоятельства гибели гитлеровского коменданта Зеленого Гая. Горлинка».

Тревожные ночи

На крылечко дома кто-то положил цветы. Зорина пересчитала их: семь ромашек, махровый красный георгин. Ее хотел видеть сам Стафийчук, встречу назначал на воскресенье. Дорогу покажет Остап.

На свидание с проводником Зорина собиралась долго и тщательно. Задумчиво перебрала свой небогатый туалет. Что надеть? В конце концов выбрала простенькую суконную юбку, вышитую блузку, ярко расшитую безрукавку – кептарь. Ради воскресенья надела низку разноцветных бус. На волосы набросила шелковую косынку. Она знала, что наряд ей к лицу, и в то же время она выглядит достаточно скромно – никакого выздва сельскому общественному мнению.

По пыльной дороге мальчишки гоняли тряпичный мяч, совсем как в ее родном селе. Они дружно загалдели, увидев учительницу. На скамейках у домов сидели принаряженные молодницы. Степенные отцы семейств, одетые, несмотря на жару, в темные костюмы и сапоги, солидно попыхивали трубками. С учительницей здоровались приветливо: учитель – первый на селе человек.

Мария Григорьевна за селом свернула на боковую тропинку, что вела к озеру, к заброшенным торфоразработкам – дальше в лес. Остап уже ждал Зоряну у старого каменного памятника. Когда-то вельможный польский пан приехал вместе с подпанками в эти места поохотиться и повеселиться. Пока пан пугал уток в камышах, челядь расстелила на пригорке скатерти, поставила вина. Паны пировали, а по озеру на лодке плавали музыканты, играли вальсы и полонезы. Тайком тоже прикладывались к бутылкам. Перевернулась лодка, пошли музыканты на дно. Никто не выбрался. На том пригорке и сложили им памятник. Об этом поведал Зоряне Остап, когда шли они лесом. Путь предстоял неблизкий, поэтому они не торопились, чтобы не устать раньше времени, шли размеренным, экономным шагом. Остап был без автомата, и вряд ли кто заподозрил бы в этом черноволосом медлительном хлопце бандита-бандеровца.

Он прекрасно знал лес. Вот и сейчас Остап рассказывал Марии, что самыми первыми зацветают весной мать-и-мачеха, гусиный лук, сон-трава. На глинистом откосе он отыскал побеги с большими листьями, протянул Марии. Девушка притронулась: сверху гладкие и прохладные, снизу теплые и пушистые.

– Потому народ и называет мать-и-мачехой: холодные, жесткие, как мачеха, ласковые, теплые, как мать.

– Мирный ты человек, Остап. Добрый бы из тебя садовник вышел. Или лесник. А ты за автомат взялся...

Блакытный молчал. Он приходил теперь на условленные места в чистых сорочках, побритым и принаряженным. С весной стало легче жить в лесу, можно было и выкупаться в озере и постирать. Зорина обратила внимание на эту перемену, пошутила:

– Уж не надумал ли жениться?

– А что ж, – лениво ответил Остап, – и мы же люди.

– Ну какой ты человек? По лесам блукаешь, людей губишь...

Остап вспыхнул, сердито засопел, ускорил шаг.

– Так и до вечера недотелепаемся...

Потом вдруг сказал горячо и взволнованно:

– Бьешь под сердце. Сама не лучше меня. Чего полезла в петлю? Мне-то что, я с войны свою долю с лесами связал, а ты?

– Не было у меня другого выхода, – тихо ответила девушка. – Не себя, детишек не могла под ваш нож подставить. Убили бы, как Стафийчук грозился!

– Он бы убил...

Остап помрачнел. Давно вели они между собой такие откровенные разговоры. А поводом послужила листовка, которую случайно увидела Зоряна у Блакытного.

...Было это на лесном хуторе у Скибы. После первого визита Зоряна не раз пробиралась лесом к усадьбе Тараса. Лучшую зацепную хату найти было трудно.

Однажды ее вот так же, как сегодня, сопровождал Остап. Пока Зоряна вела переговоры с Шуликою – осторожным и напуганным облавами бандитом из дальнего Бурлацкого леса, – Остап сидел на скамеечке, зорко посматривал по сторонам. Потом достал из кармана листок бумаги, начал читать, водя пальцем по строчкам. Зоряна тихонько вышла из хаты, заглянула через плечо Блакытного: «...сдавайте оружие, выходите из лесов... Если на вашей совести нет...» – разбирал по слогам Остап. Увидев учительницу, он поспешно сунул листовку в карман.

– Поздно. Видела. – Она спокойно смотрела на бандеровца.

– Иди донеси! А то, может, сама пришьешь?

– Тише, скаженный. – Зоряна взмахом бровей указала на окна хаты. – Потом поговорим. А сейчас марш в лес, охолонь...

Было уже поздно, в ненастье упала ночь на лесной хутор внезапно. Зоряна решила заночевать. Хозяин отправил ее и Остапа спать на сеновал, кинув туда два кожуха: «Больше нет, не обессудьте». Остап привычно разровнял душистое сено, пахнущее мятой, чабрецом и еще какими-то травами, названий которым Зорина не знала. Кожухи он протянул девушке:

– Заворачивайся и ложись. Ночи еще холодные, как бы не продрогла.

– Стели на двоих – один кожух вниз, другим укроемся. Не погрыземся, в одной стае ходим...

Они лежали в темноте – спина к спине, – чувствуя дыхание друг друга. Молчали. Сквозь худую крышу виднелись клочки растревоженного непогодой неба, влетал порывистый ветер, и тогда сено шуршало, шевелилось, будто тянулось к небу и к ветру.

– Как в могиле лежим, – первым не выдержал Остап. Он повернул голову к Марии. – Скажешь Стафийчуку, Зорина?

– А то! Может, убьешь?

– Не могу. Но Стафийчук узнает – не простит.

– Не такой он всесильный, твой Стафийчук. Тоже мне герой нашелся...

Скрипнула дверь, кто-то вышел во двор, мягко шлепая сапогами по траве.

– Не спит хозяин. Видно, беспокойно на душе.

Остап прислушался к звукам во дворе. Долгие месяцы лесной жизни научили его воспринимать мир на слух так же уверенно, как и глазами. И сейчас он точно определил, что делает Скиба, хотя и не видел его.

Скрутил сигарку. Закурил. Потоптался на месте. Проверил, заперта ли калитка. Но вот Скиба почему-то затаился. Это встревожило Остапа, он потянулся к пистолету, который положил сбоку, у бедра – так можно стрелять моментально. Девушка придержала его руку:

– Затихни.

В проеме показалась голова Скибы. Он долго всматривался в лежащих неподвижно Остапа и Зорину и, только убедившись, что они спят, так же тихо спустился вниз.

– Проверяет...

– Не такой уж он всесильный, твой Стафийчук, – возвратилась к прерванному разговору Зорина. – Надумал выходить из леса? – вдруг напрямик спросила она.

– Не знаю, ничего не знаю... Хотя так, хоть эдак – один конец!

В словах Остапа прозвучала тоска. Девушка успокаивающе провела рукой по его волосам, неожиданно спросила:

– Боишься смерти?

– Боюсь...

– А как других убивал?

– Нет на мне чужой крови. Пока нет.

Бывают ночи, как и людские характеры, – беспокойные. От них не спрячешься в себе. У кого воля сильная, тот молчит до рассвета, сжав зубы. Другим обязательно надо выговориться.

...Остап говорил прерывисто, сбивчиво, боясь, что его сейчас перебьют и останется камнем на душе недосказанное. Это была обычная история полуграмотного сельского хлопца, батрака богатых хуторян, обманутого звонкими националистическими лозунгами.

Отец умер, когда Остапу было десять. Осталось их у матери двое: он и сестра Гафийка, младшенькая. Босые ноги пастушонка истоптали все луга в округе. Потом умерла и мать. Жили в землянке. Остап батрачил. Приносил сестре кусок хлеба, который удавалось взять с хозяйского стола. Сестра тоже подросла, пошла в няньки. Стали жить немного лучше – Остап был неплохим работником, здоровым, двужильным хлопцем, и платили ему теперь больше.

Когда в Западной Украине установилась советская власть, Остапу дали землю, помогли семенами. Он послал сестру учиться в школу. И вдруг война. Гитлеровский комендант надругался над пятнадцатилетней Гафийкой...

Вьюжной зимней ночью Остап подался в лес. На свою беду, попал не к партизанам – к бандеровцам. Те вышколили, вымуштровали из хлопца «боевика». С немцами жили мирно. Мелкие дразги не в счет. Остап все ждал, когда настанет обещанный день расплаты над палачами, да так и не дождался. Шли дни, и время зарубцевало рану. А комендант все-таки получил свое – от рук партизан.

У Остапа же на смену мести пришли другие чувства – страх перед Стафийчуком, страх перед крестьянами, которых грабила банда, страх за убийства, поджоги, налеты на села. Все это творила банда, и каждый в ней нес на себе кровь, пролитую сообща.

– Вот так, Зоряна, – с болью закончил исповедь Блакытный, – могло ведь все быть по-другому.

Девушка не знала, верить ему или не верить. Если обманывает, то для чего? Проверяет по поручению Стася? А вдруг искренне? Зоряна обязана была сразу же донести о настроении Блакытного Стафийчуку. Они опасны для всех. Но Мария Шевчук еще не до конца стала Зориной.

– А над тем, что ты говорил, я подумаю...

– ...А что бы ты сделал с гитлеровским комендантом, если бы встретил его?

Остап не сразу понял, о чем его спрашивают. Они уже далеко ушли от села и пробирались лесной тропой в густом лесничке. Гибкие ветви хлестали по лицу, по одежде. Не больно – одетые в легкую зелень, они ласково прикасались к путникам.

– О чем ты, Зоряна?

– Вспомнила наш разговор... Вдруг бы встретил ты того ката?

– Убил бы гада! Этому меня дуже добре теперь обучили!..

Она вновь удивилась происшедшей в парне перемене. Только что шел по лесу спокойный, внешне ко всему равнодушный, песенку насвистывал. Сломал ветку и по мальчишеской привычке рубанул головы белым ромашкам. Услышал крик кукушки, стал сосредоточенно считать: «Раз... два... три... десять... Мало наворожила лесная птаха...» А тут передернул лицо в жесткой гримасе и даже походку сменил – пошел пригибаясь, будто ожидая, что сейчас из-за какого-нибудь дерева появится фашист и он бросится на него, вцепится в глотку.

– Убил бы!..

Нет, видно, не все раны зарубцовывает время и не всякую боль забывает память.

– Так чего же сам стал фашистским прислужником?

Они стояли друг против друга на лесной тропе. Блакытный шагнул к девушке, поднял руку... Она не отступила, не побежала – тоже шагнула ему навстречу. Остап схватил ее за плечи, сжал, повернул резко – глаза в глаза. Оттолкнул – понял, что ничего не сможет ей сделать, прохрипел:

– Как же ты нас ненавидишь!

– А то, думаешь, люблю? – Она поправила волосы, одежду. – В свою упряжку запрячь вы меня смогли, любить не заставите!

– Прикончит тебя Стафийчук. Узнает тебя поближе и...

– Если ты не донесешь – не узнает. Мы с тобой теперь квиты. Листовку выбросил?..

– Нет. Будет пропуском – здесь написано.

– Дурень! Если найдут – погибнешь ни за что.

– Скажу, на сигарки подобрал.

– Так тебе и поверят... Гляжу на тебя и не понимаю. Хлопец ладный, такому б сейчас труд по душе, дивчину кохану – жил бы припеваючи. А ты – куда ветер тебя согнул, туда и стелешься.

Она сказала это беззлобно, жалеючи непутевого парня, у которого не выдалась доля.

– Кстати, знаешь, кто убил коменданта?

– Партизаны. Нас тогда здесь не было – водил Стафийчук в ровенские леса.

– Отомстил за твою Гафийку замечательный парень...

Дальность полета пули – три километра

Он лежал здесь с ночи, много часов подряд. Неподвижно лежал, и даже куст бузины, который его укрыл, не шевелился. Почти рядом с его засадой высился каменный памятник панским музыкантам, так и не доигравшим для их вельможностей последний полонез. На памятнике сельские мальчишки гвоздями выцарапывали свои имена и имена подружек. Серый камень крошился, и гвозди оставляли в нем глубокие борозды. Его имя тоже было выцарапано у самой вершины памятника – для вечности. Он знал здесь каждую складку на земле – этот куст и серый валун были его знакомцами. Он еще раньше решил, что укроется в густом, огромном кусте бузины, как хохолок торчавшем на краю канавы, перерезавшей пригорок. Оттуда видно далеко вокруг. Хаты на противоположном берегу. Камыши под кручами. Бывший панский фольварк.

Дрема навалилась вместе с рассветом. Он разрешил себе закрыть глаза, забыться, положив голову на руку. И хотя эго был не сон – так, не переставая чувствовать все вокруг, не спят, – несколько минут приободрили, немного сняли усталость. А рука не должна дрогнуть, иначе все будет напрасно.

Первыми на сельских дворах появились хозяйки. Они с ведрами прошли к хлевам, и слышно было, как протяжно мычат коровы, а еще ему показалось, что он услышал тугой стук молочных струй по донцам ведер. Но это только показалось – до села, напрямик через озеро, два километра.

«...Надо будет обязательно учесть ветер, хоть и слабый он».

На ветку совсем рядом села пичуга, склонила голову набок, глянула зеленым глазом. Человек, большой, неподвижный, распластанный на земле, внушал доверие, и пичуга принялась чистить-острить клювик. Для нее тоже начинался трудовой день.

На бывшем панском фольварке, как маятники, вышагивали часовые. Бегала солдатня, сыто урчали грузовики – шоферы пробовали моторы. Но прошло еще часа два-три – солнце окончательно влезло на небосвод, пастушата прогнали стадо к лесу, роса подсохла, а земля прикрылась кисеей легкой дымки, прежде чем во двор фольварка въехал вездеход. Солдаты построились в прямоугольник.

Он потянул винтовку к себе, намотал ремень на локоть левой руки, уперся локтем в давно подготовленную ямку. Ему захотелось, чтобы земля остановилась в своем движении по вселенной, потому что на какой-то миг показалось, будто зашаталась она, и края горизонта справа и слева поднялись и опустились, как волны в море. В прорезь прицела был виден комендант. Он приехал не парад принимать – через несколько минут солдаты по команде прыгнут в кузова машин, и эти машины, пушки двинутся в лес. Фашисты долго и тщательно готовились к карательной операции, надеясь разом покончить с партизанским отрядом.

У него были свои счета с комендантом. Но сейчас он думал только о том, что не должен, не имеет права промахнуться, хотя и легли между ними два километра. Если промахнется, комендант не станет дожидаться второго выстрела, укроется за вездеход, – там его не достать.

Глазам больно – они устали.

Солдаты замерли, два офицера, выкидывая ноги, пошли навстречу друг другу.

...Дальность полета пули – три километра, прицельная дальность стрельбы – две тысячи метров. Планка на прицеле была отжата до отказа...

Офицеры сошлись точно у середины солдатского прямоугольника, остановились, приложив руки к козырькам...

И тогда он нажал на спусковой крючок. А потом уходил к лесу, не пригибаясь, во весь рост – он свое дело сделал, теперь скрываться было нечего. Партизанская пуля навывлет прошила фашистское сердце. В лесах и селах об этом выстреле сложили легенды...

У него были свои счеты с комендантом. Это его имя было выбито дружками у самой вершины памятника: «Гафийка + Данько = любовь». Это его любовь измордовал фашистский кат. Данила Бондарчук отомстил, как подобает мужчине, – кровь за кровь...

– Данила Бондарчук, комсомольский секретарь? – не сразу поверил Остап Блакытный.

– Он после стал секретарем – как из леса вышел.

– В него наши недавно стреляли?

– Лежит Данила в больнице, пуля рядом с сердцем прошла...

Остап обхватил голову руками.

– Если бы я знал все это раньше...

– То что бы ты сделал?

– Предупредил Данилу... Я ведь, выходит, его вечный должник.

– У тебя будет еще возможность отдать свой долг Даниле.

Она сказала это жестко и твердо.

Опять пошли лесными тропами, и чем дальше уходили от жилья, тем гуще, непроходимее, сумрачнее становился лес. Остап кружил по полянам, чутко прислушивался к шуму деревьев, несколько раз останавливался и даже возвращался назад.

Девушка хотела сломать ветку, обмахнуться зеленым веером – в лесу было душно. Остап перехватил ее руку, предупредил, что здесь нельзя оставлять никаких следов. Потом исчезли веселые, прикрытые травами полянки. Мягко пружинил под ногами мох, поваленные ветрами деревья и в разгар дня были мокрыми, скользкими – солнечные лучи не пробивали густую крону.

– Далеко еще? Ноги сбила, тяжело идти.

– Скоро.

И действительно, когда, казалось, добрались уже до непролазных чащоб, из-за дерева вышел бандит с автоматом. Он протянул Остапу грязный платок, приказал завязать спутнице глаза.

– Геть! – раздраженно сказала Зорина. – Не буду из-за вашей вонючей ямы тряпку на очи набрасывать.

Бандеровец все-таки настоял на своем: приказ Стафийчука. Она побрела, спотыкаясь о корни, перепоясавшие землю. Опять куда-то сворачивали, петляли между деревьями, спускались в овраги.

– Ведьмаки проклятые, забрались к черту в зубы, – шипела Зорина, когда низкие ветки влажно скользили по лицу.

– Ты дывысь, зла яка! – удивлялся встретивший бандеровец.

Наконец остановились. Послышались неясные голоса, зашумел, сдвинувшись с места, здоровенный куст. «Ступенька... еще одна... и еще... – подсказывал Остап. – Все».

Зорина сорвала повязку. Она стояла в бункере. Стафийчук приветливо улыбался и протягивал руку.

Курьер бандитского подполья

– Чтоб вас... с вашей конспирацией!

Стафийчук рассмеялся, показав остренькие, мелкие, прокуренные до желтизны зубы. Засмеялись и двое других, сидевших на колченогих, крепко сколоченных табуретках.

Бункер, судя по добротности, был построен давно, основательно, еще в те времена, когда бандеровцы заботились не о временном пристанище, а о надежном убежище на черный день. Что он наступит, наиболее дальновидные бандиты не сомневались.

Стась сам выбрал место для своей базы, завез заблаговременно оружие, снаряжение, в соседних селах внедрил свою агентуру. Шутил, что в его бункере можно отсиживаться до второго Всемирного потопа.

– Так гостей не встречают! – Зорина говорила капризно и обиженно.

– У нас одинаковые для всех правила, – извиняясь, объяснил Стафийчук. – Так что не взыщи.

Зоряна быстрым взглядом обвела бункер, будто искала, на ком или на чем сорвать накопившуюся злость. Заметила на стене короткий немецкий автомат, сняла «шмайсер», передернула затвор. Бандеровцы поспешно сунули руки в карманы, за отвороты линялых стеганок. Только Стафийчук не двинулся с места, не схватился за пистолет, смотрел заинтересованно – не больше.

Зорина щелкнула предохранителем.

– Знакомая игрушка? – спросил Стась.

– Да. Отец обучил обращаться с нею. Партизанил он при немцах...

Националисты переглянулись. Худой и бледный от сидения в бункерах бандеровец, которого Стафийчук называл Дротом⁸, встревоженно проговорил:

– Привел партизанского выкормыша...

Она резко повернулась к бандеровцу.

– Гей ты, Дрот, или как там тебя, смотри, как бы не нарубала из тебя гвоздей!

Дрот удивленно заморгал, побагровел, подхватился с табуретки.

– Сядь, – приказал Стась. – Говорил вам: огонь девка, пальца в рот не клади – откусит, скажет, так и было... А ты, Зоряна, тоже не кипятись, жизнь у нас такая, никому не верим.

– Ну ладно, разболтались, – сказала она. – Давайте к делу, мне не позже восьми надо уйти, а то не попаду в село.

– Хлопцы выведут на дорогу.

Зоряна доложила о встречах за последние две недели. Она исколесила всю округу, побывала на многих хуторах. Шла от одной встречи к другой. Дорогу к Скибе ей указал Стафийчук. Скиба привел к Шулике. Шулика передал Дубняку. Дубняк выделил хлопца, который отвел ее на место встречи с Джурою... Так связывала и связывала Зоряна ниточки лесной паутины, штопала в ней прорехи.

Она называла Стафийчуку и его подручным явки, зачепные хаты, подпольные клочки главарей банд. Бандеровцы радовались: «Живой еще Дубняк, а говорили, что попался чекистам...»

Они помрачнели, когда Зоряна перешла к характеристике националистических группок, о которых знала со слов проводников. Малочисленные. Загнанные облавами в чащобы. Тайные схроны и склады оружия больше не существуют. Боеприпасы на исходе. На «боевиков» разлагающе действуют призывы властей выходить из леса и сдавать оружие. Особенно участились случаи бегства после того, как некоторые, начитавшись листовок, явились к представителям

⁸ Дрот – проволока.

власти с повинной и действительно получили амнистию. Живут теперь неплохо, и слухи об этом проникли в лес.

Стафийчук и его помощники переспрашивали подробности, уточняли по карте местонахождение групп. Стась нервно заходил по бункеру. Следя за ним взглядом, Зоряна увидела в дальнем, плохо освещенном углу бункера сваленное в кучу обмундирование солдат Советской армии: шинели, гимнастерки, пилютки со звездочками. Тоже, наверное, досталось от немцев по наследству. Содрали где-нибудь в лагере фашисты одежду с военнопленных, отдали националистам.

Марию Стафийчук похвалил. Даже не ожидал, что она так успешно справится с заданием. Предупредил строго:

– Но, боже тебя упаси, Зоряна, попасть в лапы к врагам нашим. Теперь ты знаешь столько, что дороже многих «боевиков».

Посоветовался со своими, не прикрепить ли постоянно к Зорине Блакитного? Пусть и дальше охраняет и бережет учительницу. У девушки тоскливо сжалось сердце. Знала она цену такой «охране» – пуля в спину в случае провала. Но возражать не стала – бесполезно.

– Вот еще что, – вспомнила она, – со всеми условилась о сборе. Место – хутор Скибы. Сигнал – звездочки, выбитые на старом памятнике. Количество знаков укажет место встречи.

Проводник не скрывал своей радости. На сборе вожаки договорятся о совместных действиях, и тогда он, Стафийчук, сможет приступить к выполнению задания закордонного прохода. Операция «Гром и пепел» будет осуществлена. Он торжественно сказал:

– От имени отчизны выношу тебе, Зоряна, щирую поляку.

При этих словах бандеровцы нехотя встали. Дрог чуть презрительно покосился на главаря. Велеречивость бывшего сельского учителя основательно надоела его подручным.

Стась оживленно потер руки, предложил:

– Добре поработали, час и отдохнуть.

В люке появилась нечесаная голова бандеровца со шрамом, приходившего как-то ночью к Марии.

– Спроворь нам, Василь, пообедать.

Карту убрали. Появились сулея самогона, жестяные кружки. Василь нарезал самодельным, остро отточенным ножом сало, располосовал каравай. Из шкафчика достал глечик с маслом, луковицы, крупную рыжеватую соль. Стафийчук разлил самогонку, протянул кружку девушке.

– Опьянею, – она отвела его руку, – а мне еще идти и идти.

– Не бойся, выйдешь куда надо.

– Куда доля заведет, туда и выйдет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.